

Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы – 2 / П.П. Марченя, С.Ю. Разин, О.А. Абрамова, Б.Х. Алимов, И.А. Анфертьев, Л.Н. Бродовская, Е.Г. Бразуль-Брушковский, Н.Ю. Булешова, О.Г. Буховец, С.М. Иванов, А.А. Исрапов, Д.И. Люкшин, А.Н. Михайленко, А.В. Михайлюк, С.В. Патрушев, А.И. Суздальцев, А.В. Чертищев; под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – М.: Соционет, 2016. – 59 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://users4496447.socionet.ru/files/post2.pdf>

РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ – 2

Сост. и ред.: П.П. Марченя, С.Ю. Разин

28 февраля 2014 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве, в Российском обществе историков-архивистов (РОИА), состоялся II Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». Наряду с проектом «Народ и власть» и РОИА организаторами «стола» выступили Институт гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и журнал «Новый исторический вестник».

На этом мероприятии была продолжена дискуссия, начатая на I Международном круглом столе «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» (в сокращенной отредактированной журнальной версии текст материалов Первого круглого стола был ранее опубликован в журнале «Новый исторический вестник» (2013, № 3¹; краткий англоязычный обзор той же дискуссии опубликован в этом же журнале, 2014, № 1²).

Как и Первый, Второй «круглый стол» был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов современной геополитической ситуации на постсоветском пространстве. Сама эта ситуация рассматривалась в общем контексте евразийской и мировой истории.

Участникам Второго «стола» была предложена следующая (та же, что и на Первом «столе») примерная проблематика дискуссий:

– *Постсоветское пространство в контексте исторического ритма Евразии;*

– *Уроки СССР и пути постсоветской интеграции: назад в будущее или вперед в прошлое?;*

- *Россия и постсоветское пространство в контексте геополитических и геоэкономических процессов современности;*
- *«Русский мир» и постсоветские государства;*
- *Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность;*
- *Евросоюз и республики бывшего СССР: возможна ли в XXI в. «Единая Европа от Атлантики до Урала»?;*
- *Китайский фактор на постсоветском пространстве*
- *Арабо-исламский мир и судьба постсоветского пространства в XXI в.*

В итоге, в дебатах «круглого стола» приняли участие 17 ученых, представлявших научно-исследовательские организации и вузы 4 государств: России, Беларуси, Украины, Таджикистана.

В дискуссиях участвовали (сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения «круглого стола», участники перечислены в алфавитном порядке):

1. доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Ольга Дмитриевна Абрамова**;

2. кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики **Ботуржон Хамидович Алимов**;

3. кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ, первый заместитель председателя Правления Центрального совета РОИА, главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.tv», «Вестник архивиста.com» **Иван Анатольевич Анфертьев**;

4. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений Казанского федерального университета **Людмила Николаевна Бродовская**;

5. кандидат философских наук, декан факультета иностранных языков, доцент кафедры общественных наук ИГУМОиИТ **Евгений Георгиевич Бразуль-Брушковский**;

6. кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики предприятия ИГУМОиИТ **Наталья Юрьевна Булешова**;

7. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН **Олег Григорьевич Буховец**;

8. кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН и Института востоковедения РАН **Станислав Михайлович Иванов;**

9. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Финансово-технологической академии **Александр Абдулагаджиевич Исрапов;**

10. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой политики и международных экономических отношений КФУ **Дмитрий Иванович Люкшин;**

11. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России, доцент УНЦ «Новая Россия. История постсоветской России» ИАИ РГГУ, редактор научного проекта «Народ и власть» **Павел Петрович Марченя;**

12. доктор политических наук, профессор, профессор кафедры внешнеполитической деятельности России факультета национальной безопасности РАНХиГС **Александр Николаевич Михайленко;**

13. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения информационной деятельности Национальной металлургической академии Украины **Александр Владимирович Михайлюк;**

14. кандидат исторических наук, доцент, профессор Всероссийской академии внешней торговли, заведующий Отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН **Сергей Викторович Патрушев;**

15. доцент кафедры общественных наук ИГУМОиИТ, координатор научного проекта «Народ и власть» **Сергей Юрьевич Разин;**

16. кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики **Андрей Иванович Суздальцев;**

17. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России **Андрей Владимирович Чертищев.**

В настоящей публикации представлен сокращенный и отредактированный вариант дискуссии на заседании «круглого стола».

С.Ю. Разин. [Начало конца постсоветского пространства].

Уважаемые коллеги, добрый день! Я рад приветствовать вас на II Международном круглом столе «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы».

Нашему проекту «Народ и власть» в этом году исполняется 5 лет. За нами не стоит никаких грантов, спонсоров и олигархов. В рамках проекта на сегодняшний день проведено 5 международных круглых столов. В прошлом году был проведен I Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы». Так эта тема стала отдельным направлением нашего проекта.

Совсем недавно на сайте журнала «Новый исторический вестник», с которым мы сотрудничаем на протяжении всех этих лет, открылся форум, который так и называется – «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Собственно говоря, проблематика форума – это и есть проблематика проекта. Мы приглашаем всех, кто сегодня здесь присутствует, принять участие в работе форума. Тема «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» является одной из проблем, которая будет обсуждаться на этом форуме.

У сегодняшнего – второго – круглого стола «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» та же проблематика, что и на первом, она перед вами. В рамках этого дискуссионного поля нам хотелось бы, чтобы особое внимание было уделено следующим вопросам:

– Была ли у России четкая и понятная политика на постсоветском пространстве?

– Есть ли у России четкая и понятная политика на постсоветском пространстве?

– Если да, то в чем ее суть?

– Возможна ли более адекватная политика?

– На каких принципах она должна строиться?

– Нужна ли современной российской политической элите реальная интеграция постсоветского пространства?

– Является ли современная Российская Федерация центром интеграции, центром притяжения постсоветских государств?

– Нужна ли эта интеграция элитам и народам бывших братских, как мы когда-то говорили, республик СССР?

– Каковы цели и задачи наших геополитических партнеров и оппонентов на постсоветском пространстве?

Сразу хочу сказать вот о чем: примерные сроки проведения данного мероприятия были известны еще летом прошлого года, когда сегодняшних всех

событий на Украине еще не было. Естественно, что мы ничего тут не подгадывали. То есть это мероприятие не организовывалось, что называется, наспех, в угоду политической конъюнктуре.

В этой связи мы обращаемся ко всем присутствующим вот с какой просьбой: понятно, что нам сегодня не избежать разговора об Украине и украинских событиях и, в общем, наверно, это было бы неправильно, если бы мы совсем об этом не говорили, но давайте сделаем так, чтобы наш круглый стол не превратился в разговор только об Украине. Все-таки проблематика круглого стола более широкая... Хотя, конечно, именно там сегодня во многом решается судьба постсоветского пространства.

Ну и сразу, на правах ведущего, я хотел бы высказать свою позицию по тем вопросам, которые вынесены на обсуждение.

Я считаю, что в истории Евразии четко выделяются периоды централизации и децентрализации. Распад СССР знаменовал собой начало нового периода децентрализации Евразии. При этом распад СССР и появление «постсоветского пространства» – результаты продолжающегося системного кризиса нашего общества и капитуляции нашей страны в «холодной войне».

Постсоветское пространство изначально возникло как результат политики позднесоветской элиты, которая в целях сохранения власти и приватизации собственности в условиях девальвации коммунистической идеи сделала ставку на сепаратизм и национализм.

В результате распада СССР в России и на Украине сформировался номенклатурно-олигархический, компрадорский капитализм. В свою очередь, Казахстан и республики Центральной Азии, по сути, погрузились в традиционалистскую архаику, в своеобразное «новое Средневековье». В этих республиках сформировались этнократические режимы, для которых характерны концентрация всей полноты политической власти в руках представителей титульной нации и ущемление прав русского и русскоязычного населения. Я считаю, олигархический капитализм и традиционалистская этнократическая архаика являются серьезными факторами дезинтеграции постсоветского пространства.

На сегодняшний день бывшие союзные республики, за исключением РФ, так и не стали суверенными государствами, проводящими независимую, самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Все эти политические образования, возникшие в результате распада СССР, сегодня можно определить как несостоявшиеся государства.

Данное определение целиком и полностью подходит к современной Украине. На наших глазах произошел крах украинской «незалежности». Причины этого процесса лежат в советской и постсоветской истории.

Нынешняя Украина территориально сформировалась только в рамках СССР и может существовать исключительно в границах большого имперского геополитического пространства, каким и был Советский Союз. Таким образом, судьба Украины была предрешена тогда, когда были подписаны Беловежские соглашения, зафиксировавшие распад СССР.

В конце 80-х – начале 90-х гг. тогдашняя украинская партийная номенклатура сделала ставку на националистическую украинскую идею. Таким образом, фактически сложился своеобразный симбиоз украинской элиты и украинского национализма. На протяжении всех последующих 20 лет украинская элита идеологически, организационно и финансово холила и лелеяла украинский национализм. Тем не менее, за годы независимости единая украинская нация ни в этническом, ни в политическом смысле так и не сформировалась, поэтому любые попытки построить украинское этнократическое государство обречены на провал.

Я считаю, что нынешние события на Украине – это не только крах украинской «незалежности» и раскол страны, но и начало конца постсоветского пространства.

На мой взгляд, у нынешней российской власти нет четкой и внятной политики на постсоветском пространстве. Связано это с тем, что российская политическая элита никак не может определиться с ответом на вопрос: какую Россию мы строим? То ли это национальное государство, то ли, все-таки, мы преемники Советского Союза, великая держава и наша цель – возрождение империи.

Завершая свое выступление, хочу сказать, что, по моему глубокому убеждению, единственной конечной целью интеграции на евразийском геополитическом пространстве должно быть возрождение единого централизованного государства.

Л.Н. Бродовская. [Перспективы постсоветского пространства и перспективы пространства советского]. Для того чтобы определить перспективы постсоветского пространства, неплохо бы сначала разобраться с перспективами пространства советского. В том смысле, что ключ к ответу о будущем СНГ или Таможенного союза содержится в вопросе о будущем СССР. Ну а поскольку резюме здесь видится все же отрицательным, постольку и сама идея постсоветской, хотя бы и угасающей, общности представляется нежизнеспособной. Раз уж советский геополитический проект себя исчерпал, то возлагать надежды на креативность его муляжа тем более не приходится. Интенция развития задается новой позитивной идеей, генерировать которую пока не удастся. Тем не менее, социально-экономическое, культурно-

лингвистическое... –антропологическое «пространство постсоветского» существует. И это тоже очевидно.

В этом смысле постсоветские социально-политические стратегии сопоставимы с мерами кризисного менеджмента, задача которых продержаться до начала повышательной фазы экономического цикла. Ведь, по сути дела, проблема стагнации и депрессии не в затоваривании или отсутствии эффективных финансовых инструментов – здесь то как раз: цикл вывезет! Сложность в том, чтобы дать людям возможность «переждать», дожить до возобновления спроса на их услуги – соответствие структуры трудовых ресурсов размерам рыночных сегментов само собой не достигается.

То есть в политической практике СНГ и Таможенного союза фактически реализуется сценарий экономического цикла, где «постсоветское» – антикризисная стратегия, содержащая изрядную долю фатализма, основанную на априорном допущении наличия политических циклов. Соответственно, вопрос о перспективах развития и его идеологии не просто не решается, но даже и не ставится. Между тем гипотеза о цикличной смене политической конъюнктуры едва ли выдержит эмпирическую проверку.

Собственно говоря, отсутствие политических перспектив СНГ было очевидным уже в момент его провозглашения. Однако сложности адаптации к системе расширенного воспроизводства, с которыми столкнулись бывшие советские республики (взявшиеся за чем-то строить/возрождать капитализм – отнюдь не представляющий идеологическую или феноменальную основу глобального рынка), превратили этот инструмент цивилизованного «развода» в механизм циничного вымогательства и источник взаимных упреков. Пожалуй, еще большим заблуждением может быть лишь попытка последовательно реализовать в рамках Таможенного союза или Содружества независимых государств принципы равенства, противоречащие не только природе большой политики, но и здравому смыслу.

Россия – единственное геостратегическое государственное образование на территории бывшего СССР, что объективно опосредует процесс формирования по его периметру буферной зоны сателлитов, облегчающей контакт с внешним миром (точнее сказать, упрощающей для внешнего мира взаимодействие с империей, если использовать собственно имперские представления о внешней политике). То обстоятельство, что некоторые из этих государств не готовы сыграть свою роль (как страны Балтии, например) или достаточно крупны для того, чтобы нуждаться в собственной зоне сателлитов (как Украина или Казахстан), хотя и не может считаться катастрофой, но является конфликтогенным фактором, задающим формат международной

коммуникации и – одновременно – стремление в какой-то форме нивелировать его патогенное влияние.

Поэтому, реализуя (неважно – с энтузиазмом или без) традиционный имперский алгоритм, современная Россия нуждается не столько в партнерах, сколько в союзниках. Этот процесс разворачивается, так сказать, объективно, то есть не только в результате осознанного целеполагания, но и в условиях отсутствия политической воли, по инициативе социальных институтов, инстинктивно стремящихся обеспечить собственное выживание. Противоречивый характер этого процесса опосредует конфликты в зоне постсоветской коммуникации, между тем как центростремительных факторов практически нет.

Поэтому любой политический проект, сформулированный в формате постсоветского, оказывается лишен перспектив, а динамичное развитие в зоне советских руин мыслимо либо как национальный (в нашем случае – российский) проект, либо в форме некой волевой инновации, способной выйти за рамки имперской логики и создать новое качество социального пространства. Однако до сих пор подобной новеллы предложено не было.

А.Н. Михайленко. [Проблемы развития евразийской интеграции]. Я хочу несколько слов сказать о проблемах развития евразийской интеграции на современном этапе. В наших основополагающих документах по внешней политике говорится о том, что евразийская интеграция является первым приоритетом нашей внешней политики. Об этом говорится и в Концепции внешней политики 2013 г., и в предыдущих документах, и во многих выступлениях наших руководителей.

Надо сказать, что на сегодняшний день достигнуты определенные результаты. Но я не буду останавливаться на этом подробно и озвучивать цифры. Все они имеются в документах последнего саммита Высшего Евразийского экономического совета, который в декабре прошлого [2013] года проводился. Там и проценты приведены, и разы, и все прочее.

Я хочу остановиться на некоторых проблемах. Проблем много. Первая из них – это проблема расширения евразийской интеграции и формирования Евразийского экономического союза. В настоящее время три страны – Россия, Белоруссия, Казахстан – участвуют в этом процессе. Несколько стран, в той или иной форме, выразили желание присоединиться. К этим странам относятся Армения, Киргизия, Таджикистан, в какой-то степени до последнего времени была и Украина. Сейчас Украина – это большой вопрос.

Наиболее успешно процесс приспособления к требованиям Таможенного союза и Единого экономического пространства проходит в Армении. На саммите в декабре была принята «Дорожная карта». Она состоит из 260

мероприятий. Вот буквально на прошлой неделе прошла информация о том, что половина из этих мероприятий выполнена. По плану в мае 2014 г. Армения должна выполнить «Дорожную карту» и будет принята в Таможенный союз. Но не так все просто в этом плане. Есть информация о том, что существует внутреннее сопротивление. Есть альтернативные взгляды на стратегию развития экономики и политики Армении. В частности, бывший Президент Армении Р. Кочарян говорит, что надо осторожно смотреть на эти планы интеграции Армении в Таможенный союз. А с учетом того, что не исключена возможность возвращения Кочаряна на политическую арену, это следует иметь в виду.

В Киргизии гораздо более сложная ситуация в смысле присоединения к Таможенному союзу. Таджикистан говорит о том, что пусть Киргизия вступит, и тогда будет общая граница. Как только Киргизия вступит в Таможенный союз, мы, мол, будем рассматривать этот вариант. Другими словами, когда в различных дискуссиях говорят о том, что успешность того или иного интеграционного объединения проявляется в длине очереди, то у нас эта очередь не очень длинная. Для того чтобы была очередь, необходимы результаты. Результаты, которые прельщают. Это первая проблема.

Вторая проблема евразийской интеграции – это углубление интеграционных процессов. Расширение и углубление – это взаимосвязанные вещи. Обычно говорят, что если больше расширение, то меньше углубление, и наоборот. Это взаимовлияющие и взаимосвязанные процессы. На нынешнем этапе, я думаю, вполне могло бы быть и расширение, и углубление. Но это не удастся.

Что касается углубления, то о чем мы говорим? Посмотрите, берем документы этого же саммита. Как мы пишем название организации? «Таможенный Союз и Единое экономическое пространство». Это что означает? Это означает, что мы вторую стадию интеграции не прошли и не довели таможенное сотрудничество до уровня таможенной интеграции, до уровня решения всех задач этого этапа, а уже выходим на следующую, третью ступень, на единое экономическое пространство.

У меня такое предположение, что вот если вот также быстро будет продвигаться этот процесс, который является верхушечным в этом плане, то в 2015 г. организация, которая будет сформирована 1 января 2015 г., будет называться «Евразийский экономический союз, Таможенный союз и Единое экономическое пространство». Представляете, вот такое странное название примерно. Все это связано с чрезвычайно высокой скоростью постановки задач по интеграционному процессу. Но не все они решаются своевременно.

Вот эта проблема углубления интеграционного процесса мне представляется очень острой. Когда говорят, что мы за два года создали и запустили в работу Таможенный союз, приняли все необходимые документы и реально приступили к интеграции на этом уровне с 1 января 2010 г., а уже 1 января 2012 г. мы уже выходим на этап единого экономического пространства. То есть за два года мы сделали то, что Европейский союз делал десятки лет. Сложно добиться успеха в таких условиях, очень сложно.

Третья проблема состоит в том, что за прошедшее с 1991 г. время экономики бывших союзных республик довольно существенно разошлись. То есть способы их регулирования, способы жизни. Ну вот, например, скажу по сельскому хозяйству. 70% сельскохозяйственного производства в Беларуси дает госсектор. В Казахстане все наоборот. 70% сельхозпродукции дает частный сектор. Понимаете, что это означает? Как это привести в одно общее, когда должен существовать единый рынок, должны быть какие-то единые нормы регулирования, должно быть единое интеграционное законодательство?

Вот здесь очень большая роль России. Я вижу несколько путей для того, чтобы гармонизировать эту ситуацию. Есть разные подходы к регулированию экономики. Самый простой, как кажется, способ – это сказать всем нашим партнерам: «Делайте как у нас». Россия сегодня – это 88% ВВП Таможенного союза и Единого экономического пространства. Поэтому сторонникам такого подхода кажется, что Россия должна сказать всем остальным участникам интеграционного процесса: «Вот как у нас, вот так и делайте». Если у нас, допустим, в сельском хозяйстве 20% приходится на частного, а 80% на государство, то всех подогнать под нас. Все просто, как в армии. Но это кажется, что просто. В других странах существует очень большое сопротивление интеграционным процессам. Вы знаете, Назарбаеву пишут письма, в которых содержатся призывы отказаться от идеи евразийской интеграции. Много можно говорить об этом.

Есть другой способ. Он очень сложный. Тут нужна реальная объединительная политика. Есть общие какие-то вещи, которые необходимо развивать, но надо постараться сохранить те конкурентные преимущества, которые есть у всех стран. То есть это разнообразие должно ложиться в общеинтеграционное дело. Мне кажется, что нам пока не удастся найти подходы к решению этих проблем.

А.А. Исрапов. Вот у меня возникает вопрос по поводу интеграции... Ведь политики, ученые, экономисты говорят, что мы переживаем мировой экономический кризис. По сути дела, идет кризис цивилизации. Об этом можно говорить на сегодняшний день. Все, о чем я говорю, это о морали и нравственности. Тут и экономические вопросы, которые Россия пытается

решать в кооперации с государствами Таможенного союза... Я согласен с вами, что есть силы, которые мешают, например, интегрировать Армению в Таможенный Союз. Я вижу, как мы стараемся Армению как-то перехватить у ЕС. Эта политика, и то, что творится на Украине... В Беларуси – да. Наши предприниматели крупные, олигархи, все пытаются там наладить свое дело, расширить его. Лукашенко там просто держит свою руку на пульсе, точнее сказать, контролирует бизнес в стране...

А.И. Суздальцев. Загубил всю экономику.

А.А. Исрапов. Ну что значит загубил?

А.И. Суздальцев. Загубил.

А.А. Исрапов. Не согласен. Белорусы говорят, как они живут. Зато в других республиках постсоветского пространства жизнь не лучше. Они все пошли теперь к нам. Это тоже проблема. И встает вопрос, нужно ли нам интегрироваться. Уверен, что нужно. Сейчас необходимо восстановить экономические, да и общественные связи после развала СССР. Это был не распад – я уверен – а преступный развал Союза.

Тогда в этих республиках хорошо «поработали». И быстро провели приватизацию, а точнее «прихватизацию». Ну а теперь, когда все это время им трудно было, они обращаются к нам. Как и новая украинская власть. Она точно также говорит: «Мы с партнерами – не с соседями, а с партнерами – будем финансовые вопросы решать».

А.Н. Михайленко. Разрешите, я вам скажу, в части того, с чего вы начали. Это другой фактор. Он, действительно, очень важный. Причем мы дважды на одни и те же грабли наступаем. В 1991 г. распался Советский Союз. Надо было что-то дать людям, как-то объяснить то, что произошло. Вот смотрите: ну примерно то же самое, только произошло сокращение. То был СССР – теперь СНГ. Хотели, в каком-то смысле, головы задурить. Ну, чтобы была какая-то замена там. Но момент был совершенно неудачный. Потому что шла кардинальная перестройка всех механизмов, происходил переход к частной собственности, происходила смена идеологии и т.д. То есть все менялось.

В этой связи хочу отметить, что все интеграционные объединения развиваются в моменты экономического развития. Когда экономический кризис – все они зажимаются и начинают проводить протекционистскую политику. Так вот, тогда в Советском Союзе были одни обстоятельства. В 1991 г. он развалился. Мы в этот момент создаем СНГ, которое обречено на пробуксовку, потому что никакого экономического развития нет. Ну, возьмите данные – падение производства все 90-е гг. Так что там и не могло быть успеха.

Что сейчас? Вот тоже складывается ситуация... Мы говорим о том, что нам нужны успехи, мы должны развивать экономическую интеграцию... А на

улице-то кризис в мире. А есть же взаимозависимость. Поэтому приходится Президенту и Председателю Правительства говорить: « Вы знаете, мы вот ставили задачи вот такие вот, но мы их не решили, но мы же здесь в мире. Вы посмотрите ЕС – там еще ниже проценты. В Америке – там примерно ноль». Так что я согласен с тем, что этот фактор во многом определяет низкую результативность интеграционных процессов. Мы должны понимать, что общая обстановка, темпы мирового экономического развития... Мы очень сильно зависим от мирового рынка. Примерно 2/5 нашего ВВП реализуется через экспорт. Мы от мирового рынка зависим очень сильно. Если там будет все загибаться. ... Там стоит на месте, и мы не можем продать. Откуда будет развитие?

С.М. Иванов. Я хотел бы просто уточнить. 70% в Беларуси государственного сектора. В Казахстане – 30%. В России где-то 50 на 50, так что ли?

А.Н. Михайленко. Нет, у нас приватизировано гораздо больше.

С.М. Иванов. Так вот, я так понимаю, что назад в коллективизацию пути нет. Вы не имели в виду, что надо проводить коллективизацию, ну, допустим, в Казахстане? Наверно, все-таки, мы же строим все капитализм.

А.Н. Михайленко. Я говорил о том, что в рамках Евразийской экономической комиссии, в рамках евразийского экономического процесса разработан целый ряд соглашений. 17 базовых соглашений, в том числе по межгосударственному регулированию.

С.М. Иванов. Соглашения – Бог с ними. Я имею в виду что роль государства – не мешать людям жить. Правильно? Цель этого Таможенного союза состоит в том, чтобы облегчить условия торговли. А частники, или государственные корпорации, или фермеры – это, по моему мнению, не имеет принципиального значения. Главное, чтобы люди могли обмениваться товаром и иметь взаимную выгоду. Вот одна из главных целей интеграции.

А.Н. Михайленко. А что касается белорусского опыта... Почему загибается все наше сельское хозяйство в приграничных с Белоруссией районах? Потому что там крупные комбинаты сельскохозяйственные, которые подпитываются государством. Очень сильная поддержка со стороны государства. А у нас другая система. Поэтому есть соглашения и по государственному регулированию и поддержке сельского хозяйства среди этих 17 международных соглашений в рамках Единого экономического пространства. Для Белоруссии, кстати говоря, есть отдельная позиция по снижению уровня государственной поддержки сельского хозяйства.

С.М. Иванов. То есть, вы говорите о том, что должны быть общие правила игры?

А.Н. Михайленко. Ну, так вот в этом вопрос. Я и говорил о том, что самое простое, как нам кажется, – установить общие какие-то правила, чтобы у всех все было одинаково. Обязательно это или нет – это вопрос. На мой взгляд, должна быть избирательность. Вот какой лозунг у Европейского союза? – «Согласие в многообразии». То есть они стараются вот это разнообразие как-то развивать... Как они пытаются это сделать – об этом много можно говорить. А если мы себя представим локомотивом, а другие страны просто попробуем пристегнуть к себе, как вагончики, то это будет нездорово.

С.М. Иванов. У них общие правила игры. Если поддерживать, так всем одинаково поддерживать, если не поддерживать – значит, никому не поддерживать.

А.Н. Михайленко. Есть общие правила и есть учет особенностей.

С.Ю. Разин. Если позволите, у меня такой вопрос. Может быть, он будет вне контекста той экономикоцентричной модели интеграции, в рамках которой вы рассуждаете. Скажите, пожалуйста, а вот, собственно говоря, сама сегодняшняя РФ, тот строй социально-политический, который у нас в стране сложился, элита российская – это фактор интеграции или дезинтеграции евразийского пространства? Привлекательна сегодня РФ для бывших республик СССР или нет? Или наш опыт – это скорее то, что может их отталкивать?

Я вот почему задаю этот вопрос. На мой взгляд, все интеграционные объединения – и уж тем более, когда мы говорим о евразийском пространстве и евразийской истории – строятся отнюдь не только на экономических факторах. Если мы проанализируем наш собственный исторический опыт, то увидим, что никогда экономика не была основой процессов централизации и децентрализации евразийского геополитического пространства.

А.Н. Михайленко. Это многоаспектный вопрос. Я скажу следующее. Мне кажется, что руководители наших государств прекрасно понимают, что интеграция не может быть только экономической. Но они не могут это сказать своим народам, потому что народы пока понимают ситуацию по-другому. Пока только 20 лет прошло с небольшим... Допустим, у Казахстана не было раньше государственности вообще. Они ее получили только в результате развала СССР. Сейчас, например, Нарышкин выдвигает идею о создании общего парламента. Но они не могут пока еще к этому адаптироваться.

Но есть другая сторона дела. Вопрос в том, что экономическая интеграция уже даже на уровне Таможенного союза требует наднациональных органов. Наднациональный орган – это уже политика. Наднациональный орган – это уже только часть вопросов экономические, а остальные – это уже политика. Если вы возьмете Европейский союз, то Европарламент был создан в

1957 г. Тогда у них только Таможенный союз был. А уже в 1979 г. прошли первые прямые выборы в Европарламент.

А у нас только сейчас Нарышкин предлагает создать общий парламент. Западный опыт говорит о том, что это необходимо было сделать вчера. Но белорусы и казахи говорят: «Никаких политических элементов, потому что наше общество к этому не готово. Мы не можем на этой пойти». В каждом выступлении, в котором Назарбаев говорит об интеграции, он подчеркивает, что никаких политических аспектов не предусматривается.

С другой стороны, вот этот последний саммит, который был в декабре... Что там Назарбаев и Лукашенко говорят? Они говорят, что как же так, российские министры Евразийской экономической комиссии присутствуют на заседаниях Правительства России, они получают там указания, в Комиссии неравномерно распределены должности между странами. То есть, они всерьез говорят о наднациональности, которой пока нет.

А вот если посмотреть, то получается очень просто... Вот это белое, вот это черное, чтобы было нагляднее. Белое – это, действительно, наднациональность. В чем состоит наднациональность в Европейском Союзе? Она состоит в том, что члены наднационального органа – Европейской комиссии – не назначаются органами власти стран, входящих в ЕС, а назначаются Европейским парламентом, который напрямую избран населением европейских стран. Еврокомиссары не зависят от органов власти своих стран. Вот откуда берется наднациональность.

А как у нас назначают членов Евразийской экономической комиссии? Очень просто. Решением Высшего Евразийского совета, который состоит из трех президентов и в котором действует принцип единогласия. То есть если Назарбаев не согласится, что вот эти три человека должны представлять Казахстан в Евразийской экономической комиссии, то их там не будет. Так где она, наднациональность? Я считаю, что это определенная фикция. На самом деле никакой наднациональности нет. Там где есть наднациональность – это уже на 100% политика.

Надо европейский опыт смотреть. Что из него нам подходит? Когда и как своевременно ставить задачи? Как их решать? Надо делать так, чтобы кроме скорлупы, кроме пустых слов, была еще сущность, чтобы была наднациональность, чтобы люди, которые работают в Евразийской экономической комиссии, были евразийцами, чтобы они не были только россиянами, белорусами, казахстанцами, а чтобы они были евразийцами.

А.И. Суздальцев. [Экономической интеграции не бывает]. Ну, давайте коллеги начнем с констатации того, что экономической интеграции не бывает. Нет этого ничего. Все это политические решения. Ни одна из стадий

экономической интеграции не получается естественным путем, она всегда подстегивается каким-то политическим решением, давлением какого-то лидера интеграционного, той же связки Франция–Германия, как было и бывает в Европейском Союзе.

Главный интегратор, который существует на евразийском пространстве – это Россия. Мы, по существу, загоняем наших партнеров в какие-то рамки и в какие-то решения. Не надо перед собой кривить душой. Нет никакой экономической интеграции. Без политики ее не бывает. Это первое.

Во-вторых. Очень важный вопрос был – спешим ли мы? Очень спешим. Безумно спешим. И иного выхода у нас нет. Выхода нет потому, что у нас есть странная цепочка целей. Главная глобальная цель – это госбезопасность. Есть понятие нашего места в геополитике. Есть понимание того, что без интеграционной группировки мы не можем считаться великой державой и будем только региональной державой. Вот поэтому такие огромные издержки. Это наша историческая задача, которую наши партнеры прекрасно понимают и на этом откровенно спекулируют.

Вторая задача – это задача чисто экономическая. Мы, к сожалению, живем в мифах. Нам кажется, что мы большая страна, что у нас все есть. Это далеко не так. Мы совсем небольшая страна. Жить мы можем только на четверти своей территории. Реально жить, а не выживать. Все остальное – это Канада, в худшем понимании этого слова. К тому же, далеко не все ресурсы мы имеем, включая трудовые ресурсы, технологии и пр. Поэтому нам нужен доступ к мировым ресурсам. Тут выплывает политическая проблема, потому что доступ к ресурсам закрыт жесткими политическими режимами, которые возникли в бывших постсоветских государствах. Вот такая вот триединая задача.

У наших партнеров задача более простая, и она носит тактический характер. Они понимают наши желания. Они выходят на какую-то ресурсную поддержку. Давайте, без дураков, честно скажем, что политические элиты Казахстана и Беларуси ориентированы на Европу. То есть перспектива здесь такая, что надо подпитаться, надо как-то пережить, а там будет видно. Мы это знаем и они знают, что мы это знаем. То есть такая идет игра – кто кого перехватит.

По поводу того, что у нас тяжелый экономический контекст – я не соглашусь. Последний тяжелый экономический кризис 2008–2010 гг. закончился. Мы видим, что в последние полгода европейские и американские рынки поднимаются. Другое дело, что мы переживаем стагнацию. Это тяжело, но это отдельный разговор. Я не могу назвать нашу ситуацию катастрофической. Все-таки наш товарооборот за 2013 г. составил 1 трлн долл.

У китайцев он составил 3,5 трлн долл. В принципе, разница небольшая с учетом масштабов экономики. Мы вполне на мировых рынках, и далеко не всегда на мировых рынках мы за счет сырья. Потому что нефть и газ, которые мы добываем черт знает где, строя там города и дороги и производя там и технологии, и металлы, и экспортируем, сырьем называть нельзя. Весь Урал работает. Это наша продукция.

Вот эти проблемы, которые назвал А.Н. Михайленко. Он как-то не так сказал немного, наверно. Экономические системы у нас не стыкуются. К сожалению, мы не стыкуемся не только с белорусской экономической системой, которая, по сути дела, является советской экономической системой. 82% экономики составляет госсектор. Бизнес или какие-то инвестиции невозможны. Невозможны технологии. Поэтому была вот такая проблема, которой я занимался в 90-х гг. и о которой сейчас скажу... Тогда я был причастен к составлению списка, включающего приблизительно 200 белорусских предприятий, которые были интересны для приватизации. Они были актуальны, продукция шла, была на российском уровне, была интересна нашим компаниям, которые хотели и готовы были приобрести акции и т.п. Все было заблокировано. Приватизации не было.

Когда мы говорили белорусам, работая с ними: вы знаете, друзья, это дело так не пойдет, вы просто проедаете советское технологическое прошлое – они на это не обращали внимание и считали, что страна дураков – это Россия. Сейчас этот список сократился до 4-х позиций. Все остальное или развалилось окончательно или затоварено до безумия, включая такие флагманы как «МАЗ» и т.д. То есть они проели советское технологическое прошлое.

Еще один момент, который наглядно иллюстрирует эту нестыковку. У нас совместные корпорации существуют, извините, даже с папуасами, но только не с нашими соседями. У нас есть совместные корпорации с Казахстаном, и нет ни одной корпорации с белорусами. Была одна калийная компания – и то развалилась. Ни одной совместной корпорации больше нет. Это уникальный итог нашей многолетней экономической интеграции.

И самое главное – четыре свободы, которые охраняет весь мир: свобода перемещения товаров, услуг и капиталов... Судя по итогам октябрьского и декабрьского заседаний Высшего Евразийского экономического совета, можно говорить о том, что эти свободы действуют только на российском рынке. Рынки наших партнеров по евразийской интеграции закрыты. Они настаивают на этой закрытости. Открыто настаивают! Тот же Назарбаев говорит о том, что никакого российского проникновения в их сферу услуг, в их банковскую сферу, в страховой бизнес и т.д. быть не должно. Это то, о чем говорил А.Н. Михайленко. Мы не достроили Таможенный союз, мы не достроили

Единое экономическое пространство, но мы входим уже в Евразийский экономический союз.

Здесь я хочу ответить на поставленный вопрос о том, насколько это нужно российской элите. Надо сказать, что в российском обществе нарастают изоляционистские настроения. В обществе есть определенная усталость от этой бесконечной экономической интеграции, которая ничего нам практически пока не дает. Мы видим сильную игру наших партнеров и слабость наших позиций. Мы уступили нашим партнерам практически все. Мы отдали нашим партнерам свои таможенные границы. Мы не знаем, что через них к нам ввозят. Я спрашивал Глазьева, а он не знает, что идет, как идет. Я его спрашиваю: «Как считаете?», а он говорит мне: «Мы пытаемся считать по налогам». То есть заходит там, например, обувь из Китая, с казахстанскими звездочками – она проходит без пошлины. То есть мы границы отдали. У нас границ нет. Мы сейчас филиал китайского рынка. Через белорусские терминалы идет очень дешевая контрабанда. Мы знаем кто, что, откуда и как через них провозит. Просто уже открыто, что называется, везут. Никакого единого Таможенного кодекса нет. Об этом можно долго рассказывать, но я не буду вас этим утомлять. Скажу только, что ситуация в этом плане кошмарная. Просто когда получаешь и видишь соответствующую документацию – ночь не спишь. Та же проблема и с ЕЭП. Мы не достроили, но двигаемся дальше. Но понятно, почему мы двигаемся дальше. Нам нужна реализация главной глобальной цели. Мы не обращаем внимания на эти издержки. Вот в чем дело.

У российской элиты есть понимание, что нам необходима интеграционная группировка и что необходим выход к новым рынкам ресурсов. С другой стороны, вот эти вот «издержки» вызывают большое недовольство. Мы Беларуси дали 2 млрд долл. просто так. Знаем прекрасно, что страна живет за счет кредитов. Дали кредиты – они их проели и снова просят. Все это вызывает уже недоумение. Руководство наше, которое все прекрасно видит, пытается как-то уже оправдываться, потому что это деньги налогоплательщиков.

Для сравнения: наши дотации Беларуси за последние 15 лет на 1 января этого [2014] года составили 80 млрд долл. Украину мы дотировали за 2011–2012 гг. в общей сумме до, примерно, свыше 42 млрд долл. Конечно, это огромные суммы. Но в чем еще проблема? Вот вы сформулировали еще один важный вопрос: тянутся ли к России, рвутся ли к нам. Скажу так, что не рвутся. Рвутся к нашим ресурсам. Мы, сами по себе, никому не нужны. Я только что приехал к вам с РИА «Новости», где мы просто собачились с экспертами из Киева. Там была «блестящая» дискуссия. Нам предъявили целый список того, что мы обязаны для Украины сделать... Первое указание – это то, что мы

должны признать это правительство. Я говорю им: «А вы референдум в Севастополе признаете? Нет. Ну, так чего вы от нас хотите?».

С.Ю. Разин. Вчера в программе В. Соловьева серьезные люди обсуждали вопрос: сколько нужно дать Украине?

А.И. Суздальцев. Вот, вот. Кто бы нам чего дал?

С.Ю. Разин. Возникает вопрос, а кому давать?

С.М. Иванов. И как распределять?

С.Ю. Разин. По регионам или как?

А.И. Суздальцев. 3 млрд долл. дали и что?

С.М. Иванов. Мы уже Чечне дали – и Ставропольский край стонет. На порядок разница. Теперь мы хотим на Украине так же сделать?

А.И. Суздальцев. Вот мы сидели как на иголках. 3 млрд запускаем. Они пошли в конце декабря. Чувствуем, что чуть-чуть ситуация по дефолту сдвинулась. Вроде бы какой-то бюджет появляется. Где остальные деньги? Все. Плюс к этому 3 млрд кредита Китая за зерно тоже исчезли. То есть хлоп – и все.

В заключение хочу сказать следующее: сам имидж нашей страны очень важен. Вот какие-то олухи выступают (Слуцкий и т.д.) и говорят, что надо применять на постсоветском пространстве американские технологии, работать на постсоветском пространстве по сетевым технологиям и т.д. Ну только идиот может так говорить! Я работал 15 лет по этим технологиям с той стороны, со стороны Запада. Огромную роль в их успехах играют финансовые потоки колоссальные. Мы считали, сколько они тратят на белорусскую оппозицию. Через американцев, через Литву, через Польшу – до белорусов доходило только 10–15%. Воруют все, включая американское посольство. Попасть в американское посольство в Беларуси или на Украине – это счастье для дипломатов. Они понимают одну вещь – за их спиной стоит имидж. То есть они работают по европейским проектам, работают на США, на Европу, на огромные страны, на успешные экономические проекты. Нас шельмуют так, как будто мы исчадие ада. Наши сетевые вопросы можно решать только за огромные деньги и тут же появляются профессиональные «русские». Всяких жуликов выше головы. Мы неоднократно сталкивались с такими, например, на Украине. Как только они получали деньги, тут же все исчезали.

И последнее. Мы говорили сегодня о Евразийской экономической комиссии. Друзья мои – это сборище лоббистов. Ну, понятно всем, что пиво должно быть в стеклянной бутылке. Ну, белорусы не могут пить пиво из стеклянных бутылок. У них пластиковые бутылки. Значит, мы все будем пить пиво из пластиковых бутылок. Есть в Беларуси фабрика по производству женских трусов. Они закрыли под них свой рынок и пробивают их на наш рынок. А самое обидное, что эта «Милавица» не белорусская, а эстонская

фирма. Но мы будем только в эти трусы своих девок одевать. Доходит до анекдота. Сидят, просто откровенно, – у них список. Я этот список видел. Вот предприятие такое – надо обеспечить рынок в России. Забиваем все остальное.

Когда мы говорим нашим партнерам: «Друзья мои, у вас есть Брестская свободная экономическая зона – чистый контрабандный вход на рынок Таможенного союза. Когда будете ее закрывать?» Молчок. В итоге – сижу на работе, и ко мне приезжают два бизнесмена из Подмосквья, которые занимаются производством пластиковой тары. Они говорят: «Андрей Иванович, помогай. Сидит крохотная фирма – девочка и мальчик сидят в свободной экономической зоне в Бресте. Они закачивают на рынок Таможенного союза огромное количество пластиковой тары. Все – мы сгораем. У нас 200 человек вылетает на улицу». Что сделаешь? Ничего не сделаешь. Вот так.

С.Ю. Разин. Я хочу вернуться к своей мысли о том, что постсоветское пространство – это проект позднесоветской элиты. Те, кто находятся сегодня у власти в бывших союзных республиках, ведут себя там как феодальные суверены в своих вотчинах. Они не хотят никого пускать, но самое главное: они, наплевав на национальные интересы своей страны и своего народа, не хотят делиться властью. Политическая интеграция предполагает необходимость поделиться властью, а они властью делиться не хотят. Они делили большую страну не для того, чтобы потом с кем-то делиться властью.

Н.Ю. Булешова. Не могу не согласиться с только что прозвучавшей точкой зрения в отношении нежелания верхушек новых государств на постсоветском пространстве идти на то, чтобы противодействовать центробежным силам и искать пути совместного решения насущных проблем.

С одной стороны, все прекрасно понимают, что «один в поле не воин» и усиливающееся давление со стороны Запада и США возможно отразить лишь объединившись путем экономической интеграции, благо факторов, этому способствующих, много:

- разделение труда, которое невозможно было полностью изменить за короткий промежуток времени. Во многих случаях это было и нецелесообразно, поскольку сложившееся разделение труда в значительной степени соответствовало природно-климатическим и историческим условиям развития;

- длительное совместное проживание в пределах одного государства многих народов. Оно создало плотную «ткань отношений» в разнообразных областях и формах (из-за смешанного населения, смешанных браков, элементов общего культурного пространства, отсутствия языкового барьера, заинтересованности в свободном перемещении людей и т.п.). Конфликтность межнациональных и межконфессиональных отношений (между двумя основными религиями: православием и исламом) в целом была невысокой.

Отсюда желание широких масс населения в странах - членах СНГ поддерживать достаточно тесные взаимные связи;

- технологическая взаимозависимость, единые технические нормы.

С другой стороны, интеграционные процессы наталкиваются на противоположные тенденции, связанные, прежде всего, со стремлением руководства новых республик упрочить недавно полученный суверенитет, укрепить свою государственность. А вот вопросы экономической целесообразности интеграции воспринимаются ими, прежде всего, как угроза их суверенитету.

Но всякая интеграция, даже самая умеренная, предполагает передачу каких-то прав единым органам интеграционного объединения, то есть добровольное ограничение суверенитета в определенных областях. Вы даже не можете себе представить, насколько вопрос об «ущемлении», даже крохотном, этого суверенитета, болезненно воспринимается республиканской элитой (Казахстан, Киргизия и др.). Здесь сегодня совершенно справедливо отмечалось выступающими, что подобное «нежелание» приводит к пробуксовке всего процесса интеграции, так как совершенно очевидно, что назрела необходимость формирования руководства этим процессом. Причем это должно быть не руководство России, Казахстана или Беларуси, а руководство независимого от политического давления со стороны правящей элиты органа.

Сегодня много говорится о том, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве идут недостаточно быстро, сталкиваясь с целым рядом проблем. Свою лепту в создание противовеса этим процессам вносит и Запад, с неодобрением встречавший любые интеграционные процессы на постсоветском пространстве и рассматривавший их как попытки «воссоздания СССР», сначала скрыто, а затем и открыто начавший активно противодействовать интеграции во всех ее формах. Проведение Россией интеграционной политики осложнено так же растущей политической и экономической конкуренцией на постсоветском пространстве со стороны ЕС, Китая, США, Турции и других крупных игроков.

И еще на одном из поставленных вопросов хотелось бы остановиться – роль России в процессах интеграции. Думается, что, рассматривая интеграцию как необходимое условие сохранения не только России, но соседних республик как самостоятельных и независимых государств, никто из вас не сможет назвать другое государство на постсоветском пространстве, которое могло бы выступить «локомотивом» в этом процессе. При этом новейшие репрезентативные международные замеры общественного мнения свидетельствуют, что у населения всех государств СНГ сохраняется образ России как объединяющего центра.

Конечно, пока в мире бушует глобальный кризис и в памяти свежи еще экономические и социальные последствия распада СССР и мировой системы социализма, основные наши усилия направлены на выживание и объединение экономических потенциалов для повышения конкурентоспособности. Однако думаю, что в будущем, опираясь на общее духовное наследие, интеграция стран региона качественно обогатится – и это даст возможность каждой стране ощутить свою сопричастность к общему делу, при этом сохранив свой суверенитет.

А.И. Суздальцев. Я работал на Украине и в Беларуси. Мне тоже казалось, что пришли бывшие коммунисты. Они все съели, обросли собственностью, власть держат и т.д. Вы знаете – нет. Там глубокие корни. Та система, которую они создали, очень эффективна. В чем дело? Я приведу для примера нынешнюю украинскую ситуацию... Как мы все говорили и все наши каналы показывали: «Вот сейчас поднимется Восток. Вот сейчас поднимется Юг». Никто не поднялся. В чем дело? На самом деле вся эта система построена на элементарном выживании. Выживании семьи, государства, элиты. Это, знаете, какой-то такой негласный контракт: «Давайте как-то выкрутимся». Они сидят и говорят: «Ну да – пришли бандеровцы. Хуже не будет. И так все плохо. А вдруг что-то получится?».

Белорусская ситуация... 2004 г. Мы закрыли газ белорусам. Я думал: ну, сейчас какая-то ситуация будет. Понятно, что элита вся взвыла: газ закрыли и т.д. Я думаю: ну как вот население, как народ будет реагировать? А там же все молчат. Это Беларусь – это партизаны. Сел в электричку. В этой электричке один из пассажиров говорит: «Да, воровал Лукашенко газ, но воровал-то для нас!». Вот смысл в чем. Они всегда консолидируются. Потому что вот это вот ощущение, что кормит он страну. Что-то взял от России, что-то вытянул – молодец, выкрутился. Вот такое негласное соглашение. Подписался под интеграцию – все ждут. 2011 г. – полная лужа. Валюта упала в 3 раза. Валюты нет. Подписывают соглашение, что Россия будет помогать, даст кредит и т.д. Народ бежит и говорит: «Где деньги? Россия должна была дать».

Иждивенческий подход – он объединительный. Им деваться некуда. Они смотрят на своих лидеров: даст, не даст. Ах, такой-сякой, ах, бандит! Но он кормит нас хоть как-то? Кормит. Вот в чем дело. Поэтому там все сложнее.

С.М. Иванов. [Опыт интеграции]. Если мы говорим об интеграции, то надо учитывать не только опыт Евросоюза, но и развивающихся стран, и в частности стран Персидского залива. У этих стран есть большой опыт сотрудничества. Самое интересное, что некоторые обыватели говорят: «Вот там деньги». Я вам скажу, что доход на душу населения ничуть не больше чем в России: и по нефти, и по газу, и по другим. Они или на уровне России, или

меньше. Вопрос: как они тратят? Там есть несколько принципов: один принцип – на население пропорционально; другой принцип – на регионы пропорционально. Допустим, в Ираке там на регион. Каждый регион получает определенный процент. Ну, допустим курды получают 17% доходов от нефти, поступивших в бюджет страны.

В странах Персидского залива получает каждый гражданин. Там совершенно другой принцип. У нас все выкачивает вот эта вертикаль власти, потом тоненькими ручейками распределяет: захочет – даст на Олимпиаду, захочет – даст на оружие, захочет – даст Казахстану, захочет – Беларуси, Чечне, захочет – даст Ставрополью намного меньше, чем Чечне. Вот такой волонтаристский подход.

В странах Персидского залива, прежде чем началась интеграция, выровняли уровни экономического развития стран. Почему? Вот у нас даже сейчас: мы назвали цифры, характеризующие развитие сельского хозяйства Казахстана, Беларуси и России. Процент госсектора разный, цены разные, законодательство разное, политические системы разные, парламенты разные. Создать, допустим, единый парламент. Ну, так вот в нашем кругу я могу сказать, что то, что Нарышкин возглавляет – это парламентом назвать нельзя. Это придаток правящей элиты. Но элита тоже разная: там есть коррумпированное чиновничество, есть олигархический капитал, а есть организованная преступность. Иногда это одни и те же люди.

Об интеграции можно говорить только тогда, когда ее участники находятся примерно на одном уровне социально-экономического развития. В этом случае у них возникают одинаковые цели и одинаковое положение. Когда разные уровни, разные цели, каждый тащит на себя одеяло, тогда и не получается настоящей интеграции. Кто-то хочет больше, кто-то меньше. Евросоюз – он за счет чего? В конце концов, они примерно выровняли свои законодательства. И страны Персидского залива выровняли законодательства и уровень жизни населения.

С.Ю. Разин. Выровняли? Это Греция сравнялась с Германией или Францией?

С.М. Иванов. Больше того, я скажу, что страны Персидского залива собрались и сказали: поскольку мы эффективно используем доходы от нефти, то давайте мы отменим таможенные пошлины. Почему наши граждане должны платить дополнительную цену за ввозимый товар? Они взяли их и отменили. То есть нам есть о чем подумать. Поэтому, если со временем будем действительно интегрироваться, то надо будет выстраивать некую среднюю модель и именно заимствовать опыт развивающихся рынков и стран.

Пока «уроков СССР» как таковых нет. Мы не можем оперировать ни фактами, ни цифрами. Мы даже не дали им политическую оценку. Нет, политическую оценку, половинчатую, все же дали. Нет правовой оценки. Нет оценки того, что было в 1917 г., нет оценки коллективизации, нет оценки репрессий 1937–1938 гг. Что это было? Поэтому сейчас переносить уроки СССР на пути постсоветской интеграции... Мне кажется, что пока лучше этого не делать. Более того, я бы так еще подошел... Мы иногда в последнее время увлекаемся: вот СССР – мы наследники, и начинаем все это, опять-же, тащить на себя. СССР – это далеко. Да, Россия, конечно, была становым хребтом Советского Союза. Но там была Прибалтика, там были Туркмения, Таджикистан, Украина и т.д. Не надо монополизировать историю СССР. История СССР – это далеко не только история России. История СССР – это история всех бывших союзных республик. Дальше – Империя, Российская империя. Мы наследники Российской империи... Это слишком широко сказано. А Финляндия? А Польша? Они на каком положении находились, были вассалами или входили в Империю и были ее полноправными членами? Я бы не стал так автоматически переносить историю Российской империи и историю СССР на нынешнюю РФ. И тогда вот вопрос об интеграции...

С.Ю. Разин. Но и противопоставлять ведь тоже не надо... Когда наш премьер-министр говорит, что нашей российской государственности 20 лет, то это можно рассматривать как отказ от собственной истории.

С.М. Иванов. Все-таки, я бы сейчас не стал делать сравнение СССР и нынешней постсоветской интеграции. Тем более что мы сегодня наблюдаем не процесс интеграции, а процесс дезинтеграции. Вслед за Прибалтикой, Молдовой, Грузией, Украиной... Впереди еще, по нашим оценкам, Средняя Азия. Там элиты не так прочно сидят. Таджикистан, Узбекистан – там могут начаться такие процессы, что мало никому не покажется.

Пока мы переживаем вот такие центробежные процессы, когда все стремятся быть более независимыми, более суверенными, более дистанцированными от Москвы. Почему-то все продолжают, по инерции, бояться Москвы. Для этого существуют объективные и субъективные причины. Но в целом, я думаю, что те, кто хотел, они уже нашли некие формы интеграции. Те, кто не хотел, уходят дальше.

Перехожу к вопросу «Русский мир и постсоветские государства». Я считаю, что такая формулировка сужает тему. Мы не в царской империи и не в Советском Союзе. Все-таки, введенный в политический оборот Ельциным термин «россияне», на мой взгляд, по сути своей, правилен. Ну что там... В той же Псковской области – и там не все русские. А если взять целиком пространство наше – да не найдешь чистого русского. Поэтому, мне кажется,

данную проблему было бы правильнее сформулировать так: «Российский мир и постсоветское пространство». Мы связаны, мы обречены на сотрудничество. Там наших на Украине почти половина. В других республиках процент поменьше. Но везде россияне есть. Даже Крым взять – это русские и русскоговорящие украинцы. Крымские татары – русскоговорящие. Это тоже часть российского мира. Поэтому «Русский мир» – это слишком узко. Я сторонник того, чтобы мы употребляли словосочетание «Российский мир».

«Политика США...». Вот о политике США... Вы знаете, мы очень часто преувеличиваем и говорим о том, что есть какие-то американо-российские отношения, которые имеют особое значение в мировой политике. Мне не раз приходилось на различных форумах разных конгрессменов, консерваторов, дергать за рукав и говорить: «Слушай Джон, что вы думаете о России?». Он мне говорит: «Да у нас просто нет политики по отношению к России. У нас нет политики по отношению к постсоветскому пространству. Вы слишком много о себе думаете. У нас есть приоритетные направления». – «Какие?». – «Ну как какие? Вот Евросоюз, вот НАТО, вот Китай, вот Азиатско-Тихоокеанский регион, вот Индия». То есть, действительно, мы иногда преувеличиваем роль США в России и на постсоветском пространстве. Да, они там следят. Есть посол там. Есть какие-то второстепенные направления. Сотрудничать нам не о чем. Углеводороды они не покупают. По военно-технической линии мы практически не сотрудничаем. Да, их беспокоит наш ракетно-ядерный потенциал. Или химическое оружие. «Давайте мы его уничтожим побыстрее». Вот направление сотрудничества. Все остальное – как будто бы России для них нет.

И также постсоветское пространство... Да, они обратили внимание на Грузию, но не настолько, чтобы туда кинуться с руками и ногами. Да, они вот сейчас на Украину своих эмиссаров послали, но опять же не настолько, чтобы туда войска послать или вкладываться. Поэтому не стоит преувеличивать роль США на постсоветском пространстве. Они как-то заполняют те ниши, которые образуются в результате нашего ухода из тех или иных районов Евразии. Взять ту же Центральную Азию... В том же Казахстане, в Узбекистане, в Туркмении, в Киргизии... – мы знаем, что базы их есть, и сотрудничество, и объем торговли увеличивается.

Перехожу к вопросу «Евросоюз и республики бывшего СССР: возможна ли в XXI в. Единая Европа от Атлантики до Урала?» Я однозначно скажу: невозможна. В ближайшие лет 50 она невозможна точно.

Далее – «Китайский фактор...». Я бы не стал особо выделять китайский фактор. А где монгольский фактор? А где индийский фактор? А где японский фактор? Не надо пугать и напрягать. Опять же китайцы работают на нашем

Дальнем Востоке ровно столько, сколько мы им позволяем в соответствии с нашим законодательством. А вот эти мигранты, торговцы. Чем они там занимаются? Это наша проблема. Это не китайская проблема.

Теперь последний вопрос «Исламский мир и судьба постсоветского пространства». Ислам последние 10–15 лет переживает ренессанс. То есть идет глобализация мировых процессов – и в этой глобализации ислам завоевывает все большее пространство.

Факторов много. Это и самая молодая религия. Это и рост мусульманского населения. Это и то, что ислам заполняет вакуум, который образовался после холодной войны. После окончания холодной войны не только наша идеология (марксизм-ленинизм, социализм) приказала долго жить, но и капитализм, как таковой – как теория, как идея – тоже. Сегодня церковь католическая, протестантские церкви, да и то же православие не могут привлечь массы, не могут помочь им обрести смысл жизни, чтобы они, допустим, те же заповеди Христа соблюдали.

Что мы видим? Идет разложение и церкви, и западных обществ. Вот последние годы мы слышали про случаи педофилии, однополые браки. Идет пропаганда насилия, пропаганда сексуальной вседозволенности. Ведь ислам все это ограничивает. В какой-то мере ислам является сдерживающим фактором. Люди ищут себе опору. Вот они находят в исламе опору. Ведь не секрет, что многие европейцы, американцы, русские принимают ислам. Дело в том, что у ислама есть много положительных черт. Ну, во-первых... Что еще отталкивает людей от современного общества и способствует тому, что люди обращают свое внимание на ислам? Это – коррупция, социальное неравенство... Вот это общество наше доводит человека до такого состояния, что он не имеет опоры и начинает скатываться к наркомании или алкоголизму. Или моральное падение. Люди в этом обществе не находят своего места. А ислам выступает монолитно. Ну, взять Иран, где ислам является государственной религией. Взять страны Персидского залива, взять страны Арабского Востока, взять наш Северный Кавказ. Северный Кавказ, в отличие от Центральной России, где у нас 120 тыс. сирот, не имеет сиротских домов, не имеет детских домов.

То есть ислам привлекателен – хотим мы того или не хотим. За счет демографического взрыва он распространяется. Распространяется везде. Приведу в качестве примера Германию. Только за последние 10–15 лет там закрылось около 400 церквей. Большая часть этих церквей была выкуплена мусульманами и там были оборудованы мечети. В 5 или в 6 землях ислам признан официальной религией. Мусульмане избираются в бундестаг и в ландтаги. Они уже натурализованы и являются гражданами Германии. В меньшей степени это есть в Бельгии, Великобритании, США. Естественно, что

этот процесс затронул и территорию бывшего СССР. Россия не осталась в стороне от этого процесса. Ну, у нас идет тенденция как... Татарстан сам там у себя за счет ислама общество как бы скрепляет. И та община мусульман, которая в Москве... Взять Северный Кавказ – у себя они там за счет ислама сохраняют здоровыми общества. И Р. Кадыров прибегает к исламу, и другие главы регионов.

В последнее время появился новый термин – «политический ислам». Что такое «политический ислам»? Это когда власть или оппозиция пытаются использовать радикальные исламские настроения для достижения своих целей: для удержания власти или для свержения власти. Вот мы видели это в Тунисе, Йемене, Ливии, Сирии, Ираке, Египте. Там уже дважды власть свергали. Сейчас американцы выходят из Афганистана... Нас пугают: «Вот сейчас талибы хлынут. Вот сейчас наркотики хлынут». Да нет. Я присутствовал на встрече представителей антинаркотических ведомств РФ и Афганистана. Наш афганский коллега заявил: «Наше государство поставит вам ровно столько наркотиков, сколько вы потребляете, и ни грамма больше». То есть смысл не в той героиновой войне против нас, а смысл в наших внутренних причинах – почему мы такое количество героина потребляем. Не будет героина, будут курить спайсы или нюхать бензин. Поэтому подходить к решению этих проблем необходимо с двух сторон: с одной стороны необходимо укреплять таможенные и прочие барьеры, а с другой стороны – создавать условия для того, чтобы люди не «кололись».

Ведь получается что... Ислам, на примере Ирана, наиболее жестко борется с наркотизацией населения. По данным ООН, Иран – это единственная страна, которая изымает 30% наркотиков с афганского и пакистанского направлений. Виктор Иванов в одном из своих выступлений сказал, что мы, к сожалению, можем изымать только до 4%. Причины этого кроются и в коррумпированности властей, и в прозрачности наших границ, в том числе российско-казахстанской границы.

Второе. Вот сейчас хлынут боевики, экстремисты, радикальные исламисты... Ведь на границах СНГ «Талибана» нет. Там стоит «Северный альянс». Там узбеки и таджики. Они, действительно, будут оказывать все более возрастающее влияние. Но какое влияние? Они будут говорить своим соплеменникам: «Вы посмотрите: сколько у вас Каримов дворцов построил, сколько украл. Вы посмотрите на Рахмонова – он же наркобарон номер один». Вот эта угроза радикального ислама, который использует коррупцию, недостатки власти, разделение между богатыми и бедными – а там-то народ нищий и его легко вывести на улицу. Вот если она захватит Центральную Азию, то выйдет на границы РФ.

Что мы должны делать? Мы должны не бороться с исламом, а знать, изучать, использовать традиционный ислам и взаимодействовать с традиционным исламским духовенством. Сам по себе ислам, как и любая другая религия, не представляет собой угрозу международной и национальной безопасности. Опасность кроется в радикальном (политизированном) исламе.

Последние лет 10 мы пытались создать единый муфтият, по типу РПЦ. Кстати, РПЦ настолько себя дискредитировала, что многие верующие не хотят ходить в церковь только из-за того, что вся верхушка РПЦ, особенно в 90-е гг., торговала водкой и сигаретами и ездила на «Мерседесах». Вот эта вызывающая роскошь отталкивает людей. А ислам выигрывает в этом плане. Они более скромные. У них есть сострадание. То есть они находят путь к сердцам людей. В этом сила ислама. Тем самым он заменяет прогнившую РПЦ. Но как мы ни лепили, сколько фондов ни создавали – все равно остались 3 крупных муфтията и сколько-то еще мелких. И может быть, это и хорошо, что у них нет единого руководства. Сила ислама и в его многообразии.

По мере роста мусульманского населения у нас в стране роль ислама будет возрастать. Я не исключаю, что у нас со временем в правительстве появятся министры мусульманского вероисповедания. Может настать такое время, что и Президентом будет мусульманин.

Как можно остановить этот процесс? Вот здесь у меня еще одна реплика. Нас успокаивают и говорят нам о том, что у нас все в порядке с рождаемостью. Даже господин Медведев как-то сказал, что мы достигли уровня сохранения нации и чуть ли уже не выросли... Я вот когда ехал сюда, то специально включил компьютер и в Интернете прочитал, что сегодня у нас 250 умерло и 120 родилось. Примерно один к двум. Миграция: приехало столько-то узбеков и киргизов... Мы за счет миграции сводим концы с концами. Мы сохраняем количество, но при этом теряем качество. Процент русских уменьшается с каждым годом. Мы в интересах Совбеза РФ проводили исследование в Беларуси, Украине и России. Посмотрели статистику. Самое угрожающее положение в РФ и на Украине. В Беларуси лучше. Там есть программа – программа по защите демографического потенциала. Там и женщины, и дети защищены. Уже в течение 10–12 лет ведется серьезная работа по разработке подобной программы. У нас, к сожалению, эта программа не срабатывает. Растет процент больных и инвалидов детства. У нас по данным Минздрава 8 эпидемий. Причем самое страшное – алкоголизация, табакокурение, СПИД, туберкулез и т.д. Вот с этим, к сожалению, мы не боремся, а в исламских странах они своим закрытым обществом ставят преграды для моральной и физической деградации общества и создают условия для роста численности населения.

Вот это объективные причины сегодняшнего наступления ислама. Я думаю, что в ближайшие 10–15 лет – и может быть даже до 2050 г. – он будет дальше распространяться. А как государство реагирует? Здесь я хочу себе позволить еще одну реплику. Вот мы часто говорим: элиты, государство... Государство – оно разное, в государстве есть разные государственники, разные люди. Вот одни, действительно, пытаются решать проблемы в интересах россиян, российского общества. Вот я занимался национальной безопасностью... Многие люди не знают что такое национальная безопасность. Она состоит из трех частей: первое – безопасность личности; второе – безопасность общества; и только третье – безопасность государства. Если наоборот, то будет как «ванька-встанька», который не стоит, а все время падает. Надо начинать с личности. Если мы не можем защитить человека – физически, нравственно – общество болеет. Если мы не можем нормальное общество сделать, то государство – это колосс на глиняных ногах.

Поэтому начинать надо с личности. Если по этому пути сейчас пойти, то получается так: есть коррумпированное чиновничество, есть государственники, есть олигархи, есть выходцы из организованной преступности. Неслучайно, что вот сейчас организаторы Майдана на этом сыграли. Они сыграли на сыновьях Януковича, они сыграли на его резиденции, они сыграли на социальном расколе общества. Как бы на фоне этой Украины не было эффекта домино... Нам надо сделать все, чтобы «Арабская весна» и украинский Майдан не пришли к нам в Москву.

А.И. Суздальцев. Вы знаете, у нас в России сложилось мифологическое представление о Беларуси. Вот такая страна небольшая, население на русском языке разговаривает, справедливый царь сидит и все хорошо у них. Полная, наглая ложь! Друзья мои! Беларусь – это нищая страна! 500 долл. зарплата. Никакой демократии там нет. На моих глазах произошла депопуляция страны. Я туда приехал в 1993 г. Тогда население страны составляло 10 млн 200 тыс. Сейчас оно составляет 9 млн 600 тыс. Никакой миграции нет. На глазах происходит реальное опустение страны. Никаких социальных программ, обеспечивающих этих рожениц, там нет. Есть только пустые совершенно, крохотные льготы. Они не знают, что такое вот этот наш материнский капитал. Когда им об этом говоришь, то они приходят в ужас. Как? Но они понимают эти вещи. Посчитали – 4,6 млн чел. трудоспособного населения и недосчитались 1 млн чел. Из них 600 тыс. проживает в России. Что они делают? Как только жена собирается рожать второго ребенка, она вывозится сюда, здесь рождает, и всеми силами старается получить гражданство, а потом получить этот материнский капитал. Они прекрасно это понимают.

Поверьте мне, что представление о процветающей Беларуси – это наша иллюзия. Нищая страна! Депопуляция страны идет колоссальными темпами. Ну сопоставьте цифры: в 1993 г. – 10,2 млн чел и прошли какие-то 15 лет и стало 9 млн 600 тыс. А еще 1 млн чел выехали на работу в другие страны.

С.М. Иванов. У нас смертность высокая. А у них сокращение населения происходит за счет того, что много людей уезжает на заработки в другие страны

А.И. Суздальцев. Не только. У них серьезно падает общая численность населения.

С.М. Иванов. По данным ООН, Белоруссия на 3-м месте среди славянских стран. На первом месте – Украина, на втором – Россия.

А.И. Суздальцев. Вы же умные люди и прекрасно понимаете, что все эти ООНовские статистики складываются из тех данных, которые предоставляет о себе то или иное государство.

А.А. Исрапов. [Интеграция и менталитет]. Всегда себя ругаем, ну сколько можно? У нас склонность что ли, обличать себя, свою историю постоянно? Только и делаем, что оправдываемся в каких-то ошибках. Хватит, сколько можно. И если у Лукашенко в Беларуси все так плохо (хотя я вижу там совсем другое), то тогда надо говорить о Б.Н. Ельцине. Когда в 90-е гг., которые называют сегодня «провальными» и «мутными», мы просто «шикарно» жили, радовались «демократии», и к нам все ездили перенимать опыт «рыночной экономики»... Исходя из этого, ЕС и США говорили, что это было золотое время для РФ.

А.И. Суздальцев. Я так не считаю.

А.А. Исрапов. Так нельзя рассуждать. Надо же понимать, что есть общее, а есть специфическое в государственном строительстве. Мы видим, что в крупных цивилизационных мегаполисах демократию понимают по-своему. Мы должны учитывать разницу в менталитете. Вот здесь на обсуждение вынесен вопрос о роли арабо-исламского фактора на постсоветском пространстве... Почему мы не должны делать акцент – «русский»? Почему они не говорят «израильтяне», а говорят «евреи»? Почему говорят «армяне», а не «кавказцы»? Однако, как только подчеркивается русское происхождение, сразу возникает реакция. Мол, русское зачем выделять? И это уже национализм! Это уже плохо... Товарищи, нельзя так рассуждать! На Кавказе каждый дагестанец, кабардинец, балкарец подчеркивает, кто он такой.

Что касается уроков СССР... Это было можно называть религия – коммунизм, но это была и теория будущего развития, которая сплачивала всю нашу общность. Неправильно, может быть, сделали коллективизацию... Но фермерство у нас никогда бы не прижилось, а именно коллективное хозяйство.

Поэтому мы тащили вот эту общинность до советского времени. А теперь все развалили. А вот на Кавказе остались джамааты, родовые семьи... Вот это там сохраняют до сих пор. Родственники, дети держатся вместе. Молодцы...

Если говорить об уроках СССР и о путях развития постсоветского пространства, то я думаю, что нашей стране хватит уже быть за пределами толерантной. Надо показывать свой характер. Чтобы не ходили и не спрашивали, когда им это нужно: «Брат, ну ты же брат... сестра... Ну надо же! Помоги! ». В Норвегии испачкали памятник американскому солдату – там скульптурка была. Все – санкции! В Болгарии испоганили памятник советскому солдату: «Ну, пожалуйста, обратите внимание», – МИД говорит. Что это такое? Вы можете со мной не согласиться, но диктатура Сталина заставляла уважать нашу страну и бояться, конечно. Они должны бояться нашу страну. Должны уважать. Без этого в нашу страну будут постоянно кидать грязь и ошметки.

О Сталине и сталинской диктатуре. При нем у нас не было наркомании как таковой... А теперь у нас демократия. Ну как же! Вы говорите, Европейский Союз, это мол здорово. Две недели назад в Норвегии в парламенте рассматривали вопрос о разрешении инцеста. Обалдели все! А как же так? Вот видите – в Норвегии это уже есть. Bravo! Давайте сюда ювенальную юстицию со всем этим вместе и тащите в Россию. И мы будем интегрироваться что ли? Нельзя нам так делать.

Мы... вот я смотрю в нашем российском научном мире... особенно когда сталкиваешься со Сванидзе или Млечиным... Как они рассуждают о каких-то вопросах? Вот так вот берет постановление, читает одну часть, а вторую не читает – считает, что не стоит. Его спрашивают: «А почему полностью не зачитывается документ? Ты открой и покажи зрителям, ведь смысл происходящих событий будет пониматься в другом свете». Нет, оказывается, некоторым «горе ученым» честное и объективное освещение истории нашей страны не нравится.

Мне так хочется, чтобы мы уважали свою историю. Однако в различных рассуждениях или на крупных форумах – мы ее как будто стесняемся. Я помню, известный генерал Д. Волкогон, как он открывал архивы. Я как-то на одном форуме не выдержал и говорю ему: «Подождите, а у вас есть знаменитая книга “Сталинград” о Сталинградской битве»... А он как раз выступал и говорил, что лозунга «За Родину! За Сталина!» он никогда не слышал, и говорил: «Я воевал, я прошел все войну, и я никогда не слышал». Я спрашиваю его «А почему же у вас фотографии»? Он мне ответил: «Это было тогда в ЦК партии и дорисовали мол на фотографии слова «За Сталина». Чуть все это. Теперь можно все ошибки свалить на партию, на руководящий состав страны того периода. Нельзя так!

Возвращаясь к рассуждениям об исламе, отмечу что ислам – это великая религия. Что в ней привлекает людей? Там записано, что все мусульмане равны. А у нас создалась церковная иерархия. И поэтому один ездит на «Бентли», а другой инок, там, на Камчатке, не может собрать гроши на часовню. Здесь тоже появляется какая-то сословность. И люди это видят. И поэтому появляются эти «Pussy Riot». А почему? А попробуйте-ка скажите духовенству, что вот здесь вы устроили два банкетных зала. А здесь тоже продают вокруг. «А это к нам не относится», – говорят иерархи. Как это не относится? Скажите, чтобы здесь не было ничего. Вы же должны учить нравственному и чистому. Мы больше всего, я думаю, научились одному – научились ругать себя. Это мы умеем.

Все-таки мы должны быть рациональными. Вот этому – и ничему другому, а именно этому – мы должны учиться и у Европейского Союза и у Штатов. Нужно нам это – дадим. Нет – гуляйте! Кто это сказал? Р. Никсон, кажется, сказал: «Это наш сукин сын!». Ой, как аморально! Но они все время так делали. А мы стесняемся все время.

С.М. Иванов. У нас другие сукины сыны. У нас Сердюков сукин сын.

С.Ю. Разин. Александр Абдулагаджиевич [Исрапов] говорит о том, что своего исторического опыта не надо стесняться и что из него надо извлекать уроки – как положительные, так и отрицательные.

А.А. Исрапов. Обязательно! Мы этим всем должны гордиться!

Что касается проблемы «Политика США на постсоветском пространстве: мифы и реальность». Мифы... Что мы относим к мифам? Что они постоянно рады нас потоптать? Это не мифы. Реальность заключается в том, что они это делают. Одна риторика по поводу сочинской Олимпиады чего стоит. Это же кошмар!

А.И. Суздальцев. Вот если бы мы сделали плохо, то нас вознесли бы. Мы сделали хорошо, и поэтому нас клюют.

А.А. Исрапов. Вот поэтому я согласен с тем, что кто-то из вас говорил о том, что у нас не работает информационная атака. Киселеву сейчас дали голос. Это надо шире, глубже распространять и не стесняться. А то мы говорим потом: «А там нас плохо знают. А там нас глушат». В Крыму то же самое.

Исходя из этого контекста, я делаю вывод, что и про Беларусь мы рады говорить и топтать Лукашенко. Диктатор, диктатура и т.д. Да, правильно, может быть. По-другому если бы он делал, то там бардак такой же был бы, как на Украине или у нас в 90-е гг. По-другому... Ну, если сказать грубо, по-другому с людьми с нашим менталитетом нельзя.

С.Ю. Разин. По поводу Лукашенко очень простой вопрос. Ну, если вы демократы, то тогда ответьте на вопрос о том, что такое демократия. Демократия – это власть и суверенитет народа. Вот за него голосует на выборах

большинство белорусских избирателей, и это воля белорусского народа. Если она не совпадает с пожеланиями американской администрации... Ну, господа, – будьте демократичны. Вы же ратуете за демократию, правда? Вот и уважайте выбор белорусского народа.

А.И. Суздальцев. Ой, коллеги, давайте не будем. Я все-таки там жил. Я могу рассказать другие вещи. Идти на пятые выборы... Сыночка готовить к этому. Дворцы строить за государственные деньги. 800 млн долл. стоит дворец. Золотые люстры, унитазаы золотые. Ну что вы в самом деле? И какой там антироссийский накат идет десятилетиями? Мы там идиотами выглядим. И это наш союзник!

И.А. Анфертьев. [Уроки советской интеграции]. Вот здесь прозвучали некоторые мысли о том, что мы не знаем историю СССР, что надо учиться у Запада или у СССР. Так получилось, что сейчас открыты архивы Политбюро и, изучая эти архивы с исторической точки зрения, я вижу, что те проблемы, которые стоят перед российским обществом последние 20 лет, интеграционные – мы говорим экономическая интеграция, политическая интеграция – эти проблемы продолжают существовать и сегодня. У нас, как мне видится, на протяжении вот этих последних 20 лет, не хватает политической воли.

Взять к примеру 1919 г. – конец Гражданской войны. Начало 1920-х гг. 10 человек в Политбюро имели политическую волю: Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сталин – кто там еще был? Орджоникидзе, Калинин, Бухарин, Дзержинский и т.д. 10 человек проявили политическую волю и провели в этих тяжелейших условиях, после Первой мировой и Гражданской войн, интеграционные процессы в достаточно короткое время. Уже в 1922 г. – создание СССР, они по сути «огнем и мечом» интегрировали территории бывшей Российской империи, без оглядки на Запад и на тех, кто любит поучать и указывать как России жить.

Но мы понимаем, что любое явление, и в том числе эти интеграционные процессы – политические, экономические – имеют две стороны – положительную и отрицательную.

С точки зрения положительной, тут уже говорилось, что рациональность была, был рациональный подход. Большевики действовали без оглядки на какие-то авторитеты, зарубежные в том числе, проявляли умение договариваться, умение выжидать и видеть стратегические политические и тактические экономические выгоды.

С точки зрения негативных моментов, конечно, были двойные стандарты в политике. Принимали решение: давайте Украину в конце 1919 – начале 1920 гг. интегрируем в Российскую Федерацию. Давайте... На каких условиях? На словах – да, давайте. Дадим, значит, Украине самостоятельную

государственность, дадим право приоритета украинскому национальному языку, будут национальные лидеры, структуры национальные и т.д. Тут же принимается решение создать Всеукраинский ревком из пяти человек. Трое из них члены ЦК партии большевиков – представители РСФСР. Двое – украинские представители. Причем не просто там кто попало, а «Украинская коммунистическая партия» (тогда ее представители назывались «боротьбисты», «борьбисты»).

Любое решение – только по предварительному решению Политбюро. Проблема голода решалась с Украиной. Сталин был туда командирован начпродом. Тут же пишет: «Прошу командировать из Центральных областей России до двух тысяч специалистов по продовольственным вопросам». Тут же принимается решение о мобилизации членов партии. Так сказать, «все на Украину».

Вопрос стоит так – не хватает денег на интеграционные процессы. Есть ГОХРАН, которым занимается Троцкий. Значит, что делать? Тех служащих, которые там занимаются ГОХРАНОМ, его инвентаризацией, реализацией – им не доверяют. Тут же принимается решение – мобилизация коммунистов – членов партии с дореволюционным стажем. Две тысячи человек направить в ГОХРАН, под расписку у них получить согласие о том, что они готовы на общих основаниях даже проходить обыски после ухода вечером с работы. Тут же продолжается фактическая реквизиция этого ГОХРАНа и решены вопросы на текущие нужды, в том числе и направление средств на Украину. Проходит прямо раз за разом – выделить деньги, выделить деньги на Украину – только создать привлекательную для народных масс государственность. Создали государственность, а затем постепенно ликвидировали.

С.М. Иванов. Это вопросы текущего управления. Они не очень интересны.

И.А. Анфертьев. Дело вот в чем. Понимаете, любой опыт...

С.М. Иванов. Зачем нам опыт чиновников?

И.А. Анфертьев. Любой опыт требует изучения, особенно советский, потому что он приобретался слишком высокой ценой.

С.М. Иванов. Нам нужен опыт нормального общества. Собралось шесть идиотов, постреляли половину страны, а половину посадили в тюрьму, а остальным начали продовольственные комиссары добывать хлеб.

И.А. Анфертьев. Позвольте, я продолжу все-таки. Я как историк считаю, что любой опыт требует изучения, для того чтобы не повторять ошибки, которые были допущены. Но в тоже время...

С.М. Иванов. Это не ошибки! Это преступления!

И.А. Анфертьев. Преступления были – согласен. Но интеграция Советского Союза в рамках практически всей территории Российской империи была все-таки сделана. Я же оговорился, что есть положительные, и есть отрицательные стороны. Я не хвалю отрицательные стороны. И не поймите меня неверно. Я говорю о том, что большевики, и Политбюро в частности, поступали гибко и добивались конкретных результатов.

Вот в 1921 и 1923 гг., дважды предпринимались попытки пролетарскую революцию в Германии устроить. Денежные вложения были, нарком финансов РСФСР Крестинский занимался этими вопросами, Орджоникидзе участвовал в этих проектах, посылались наши чекисты туда, боевые отряды создавались под руководством Уншлихта и т.д., но революция не состоялась. Почему? Потому что в Политбюро была выработана позиция, согласно которой, если внутри страны, в Германии, не созрели условия для того чтобы...

А.А. Исрапов. Революционная ситуация.

И.А. Анфертьев. Да. Не созрели условия. Там можно было инициировать, можно было создавать условия для революционного переворота, и даже по примеру 1917 г. в России взять власть, но в результате этот революционный проект ожидал неминуемый крах, этакая разгромная ситуация, жертвы при отсутствии результата.

Малоизвестный факт – в 1921 г. Киров и Орджоникидзе, находясь на Северном Кавказе, создали в Персии подпольный комитет для установления Советской власти в Персии. В обход Политбюро. Тут же Политбюро разбирает вопрос, взвешиваются все за и против, и запрещается уже почти установленная советская власть – не пришло время.

А.А. Исрапов. Я говорю, что вот тогда это вот был ошибочный революционный такой полет. И Троцкий говорил: мы будем мыть сапоги...

И.А. Анфертьев. Да. Но с другой стороны смотрите – Средняя Азия – Туркестанский фронт до 1932 г. То есть определенная гибкость существовала в интеграционных процессах. Где можно фронт держать, значит в Туркестане до 1932 г., где нет возможности – избегать всячески дополнительных...

А.А. Исрапов. Они до 1932 г. держали фронт потому...

А.И. Суздальцев. Там басмачи были.

А.А. Исрапов. Потому, что долгое время шла борьба между Сталиным и Троцким. Значит, мировая революция или революция в одной стране.

И.А. Анфертьев. Значит, здесь прозвучало, что нам не надо учиться у Запада, что они нас не принимают со времен Петра I и до него. Сталин, как никто другой, понимал это, и он не скрывал, что нам рассчитывать на поддержку Запада нельзя. Надо искать выгодные торговые отношения, но рассчитывать, что нам помогут, бесполезно. Надо опираться на собственные

силы. Когда мы говорим о проблемах индустриализации и предшествовавшей ей коллективизации, то надо учитывать этот фактор. Какие бы трагедии наша страна не переживала – вот с этой ситуацией репрессий, но если бы мы этот рывок не сделали и не создали мобилизационной экономики к началу Большой войны, Второй мировой, то выжила ли бы наша российская цивилизация – это большой вопрос.

С.М. Иванов. Этой войны могло не быть.

И.А. Анфертьев. Могло не быть. Могло. Я согласен. Однако историки изучают то, что произошло, а не то, что «могло и не быть».

С.М. Иванов. Если б не было бы Сталина, то не было бы и войны.

И.А. Анфертьев. Но случилось так, как случилось... Вы спрашивали о «Большом терроре» 1937–1938 гг. Объяснение этому есть... я понимаю так, что уничтожалась «пятая колонна», превентивно уничтожались все, кто в случае войны мог выступить и против Сталина, и против Советской власти. Заранее были составлены списки советских граждан, в том числе и неблагонадежных членов партии, в том числе высшего партийного состава, и планомерно уничтожались. Сталин виноват в развязывании войны, но причина войны – в Версальском договоре, и без Сталина Вторая мировая война была бы развязана.

С.М. Иванов. Если не было бы Сталина, то не было бы и войны.

И.А. Анфертьев. Вы спрашивали про «Большой террор» 1937–1938 гг. Объяснение... я понимаю так, что уничтожалась пятая колонна.

А.И. Суздальцев. Коллеги, давайте так. Мы все лекции читаем. Вторая мировая война вытекает из Первой.

И.А. Анфертьев. Да, естественно.

А.И. Суздальцев. Если б не было Первой мировой войны, то не было бы большевизма. Вы же это понимаете. Это все взаимосвязано.

А.А. Исрапов. Я согласен как раз, что это даже нужно идти и дальше. Вообще от британской короны, когда они делали все гадости по отношению к Российской империи. И Отечественной войны 1812 г. может быть и не было бы, если б Павел I заключил военный союз с Бонапартом, о чем должны были уже договориться. Но Павел был убит, и не без помощи английской разведки.

И.А. Анфертьев. Я еще раз хочу сказать, что я не сторонник негативных решений любых тоталитарных режимов, но я сторонник экономической интеграции. Я считаю, что за 20 лет в России упустили именно этот фактор – экономическую интеграцию. Нам надо было строить экономические связи. Не упускать имевшиеся отношения, во-первых, не разрушать их, поддерживать, всяческим способом сохранять их и развивать внутри СНГ. Мы эту ситуацию, в силу ряда причин внутреннего характера, упустили.

Упущено не только создания экономической вертикали в рамках СНГ, которую нам не удалось построить, но у нас разрушены культурные связи, которые уничтожены – и так мы и не создали взамен ничего. И были забыты соотечественники за рубежом. Как бы мы ни относились к этому процессу, и сколько бы он ни стоил в денежном отношении, но я считаю, что это очень важный фактор, который мог бы в дальнейшем, уже в более в спокойном режиме, все-таки, интеграцию – и политическую, и экономическую, внутри нашей страны и за ее пределами – в ближайших наших странах СНГ – решить.

А.А. Исрапов. Вот здесь я как раз хочу вас поддержать на счет соотечественников. Вопрос не решается. В прошлом году семья староверов из Новой Зеландии, кажется, сюда переселились. Просили и умоляли. Поселились за Уралом. Дали какой-то там собачник, да... и землю непригодную для сельхозработ. И все. Она там заросшая, там еще холод такой, эрозия. И они уже год – муж, жена, дети – землю обрабатывали. На своих плечах вынесли все тяготы. На следующий год начало там произрастать что-то. И оттуда... Как это сейчас говорят, куча завистников деревенских пришли со словами «Понаехали!» В итоге подожгли все их хозяйство.

А.И. Суздальцев. Есть такая беда, конечно, то, что наше население, особенно в сельской местности, не воспринимает переселенцев русских из других частей бывшего Советского Союза. В этом есть нюанс некоторый. Я с этим сталкивался, когда работал в Прибалтике несколько лет. В общем-то, можно было найти контакты с местным населением, с местной элитой, которая, так сказать, еще складывается. Там еще нет, по большому счету, элиты – только две страны на постсоветском пространстве сейчас на самом деле формируют элиты – Россия и Украина, и то только на начальной стадии... Так вот с эстонцами и даже с латышами – тяжело конечно, но как-то работали. Но если мы касаемся местных русских – особенно не тех, которые там долго живут, а переселенцев, которые приехали туда в 70-80-е гг. ... Вы знаете, страшнее, опаснее и злее людей нет. Сам тот факт, что они вот вырвались в Европу, что вот и их шаг был правильным и т.д. Это такие наши враги, такие наши враги...

Эти тоже же не уезжают. Неграждане и т.д. Не уезжают, не возвращаются.

А.А. Исрапов. Русские, которые голосовали в 1991 г. в Прибалтике за выход из состава СССР, они сейчас и есть «неграждане» в прибалтийских республиках.

А.И. Суздальцев. Тоже украинский фактор. Они тоже, да...

С.М. Иванов. Они там растворились.

А.И. Суздальцев. Да, Украина. 20 млн русскоязычных. Паспорта какие? Украинские.

О.Г. Буховец. [Язык как фактор постсоветской интеграции/дезинтеграции]. На протяжении Нового и Новейшего времени в понимании этнодифференцирующей роли одного из основных признаков нации – языка – происходили весьма существенные изменения: и от эпохи к эпохе, и от контекста к контексту, и, тем более, от одних регионов мира – к другим. Основной причиной таких изменений видится противоречивая качественная природа этого признака, который воспринимается как однозначно «натуральный», но, вместе с тем, является во времени и пространстве достаточно подвижным. Безусловно, в данное время проблему языка делают чрезвычайно актуальной текущие события и процессы в новых независимых государствах – наследниках СССР.

Напомним некоторые известные положения по данному предмету историков и теоретиков национального вопроса. Начиная со 2-ой половины XX в., исследователи, принадлежащие как к конструктивистской (наиболее широко распространенной в мире науки), так и к инструменталистской парадигмам нациеведения, стали отводить языку далеко не столь значимую роль как та, которая приписывалась ему в предшествующий период. В частности, если взять наиболее известную и признанную в современном мире типологию признаков нации Э. Смита, то в ней язык как таковой вообще не присутствует. Он всего лишь «упакован» в признаке, который Смит формулирует как «один из более дифференцирующих элементов культуры».

Однако, как это бывало и ранее, в случае возникновения новых государств их «строители» редко проявляют склонность руководствоваться в своей работе выкладками «высокой теории» национализма. Они, как правило, предпочитают действовать методом «проб и ошибок». В конце XX в. случаев таких оказалось гораздо больше, нежели в его начале: в Европе и Евразии на развалинах 3-х социалистических федераций – СССР, Чехословакии и Югославии – возникло 23 новых государства. И их властными элитами (равно как и контрэлитами) язык вновь воспринимается как наиболее ценная субстанция нации.

Если взять государства постсоветские (они в общей сложности составляют 2/3 всей совокупности новых независимых государств), то, в соответствии с «вмененной» языку управляющими элитами ролью фактически основного нациеобразующего признака, их населению надлежало перейти на употребление языков титульных народов этих государств. И переход такой, как мыслилось, должен был занять непродолжительное время – 5, от силы 10 лет. Для обоснования столь сжатых сроков чаще всего ссылались (да и поныне продолжают ссылаться) на исторический опыт «коренизации», проводившейся большевистским руководством в национальных республиках СССР в 1920-е гг.

Однако ссылки на советский опыт в данном случае совершенно не корректны. Во-первых, в ходе осуществления политики «коренизации» и, в частности, таких ее вариантов как «белорусизация» и «украинизация», неграмотному на тот момент (или, в лучшем случае, малограмотному) белорусскому и украинскому населению нужно было, в рамках культурной революции, дать поначалу *элементарное* образование. А поскольку население это разговаривало на различных диалектах белорусского и украинского языков (которые к тому времени уже близки были к завершению процесса литературного нормирования), то решение задачи «коренизации» сводилось именно к обучению на *родных* языках – белорусском и украинском. Далее, нельзя забывать и то, что скорость процессов «белорусизации» и «украинизации» в 1920-е гг. вряд ли была бы столь высокой, если бы ими не управлял такой жесткий политический режим как большевистский. И этот же режим, увидев, что «коренизация» стимулирует процессы национального возрождения в советских республиках, и, опасаясь, что в дальнейшем это может создать угрозу для монополии ВКП (б) на власть, быстро «прикрывает» ее. Вслед за чем в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в БССР, УССР и других советских республиках началась кампания по борьбе с «буржуазным национализмом» и прошли репрессии, затронувшие многие тысячи партийных и советских работников, деятелей культуры и рядовых советских граждан.

Совершенно другой случай – постсоветские общества. К концу советской эпохи стало вполне очевидным, что наибольшие успехи советский модернизационный проект имел именно в образовательной сфере. В наследство от СССР новым независимым государствам досталось население, получившее в подавляющем своем большинстве общее и специальное среднее образование. Более того, *массовой* категорией населения стали уже и те, кто получил высшее образование.

И вот это население, уже имевшее среднее, среднее специальное и высшее образование на русском языке, должно было, в соответствии с установками культурной политики в новосозданных государствах, перейти на употребление других языков. Причем, те, кто тогда полагал и ныне продолжает настаивать, что это нетрудно осуществить, впадают, вольно или невольно, в серьезное заблуждение: *неграмотного обучить гораздо легче, чем переучить грамотного*. Тем более, что последний, в соответствии с демократическим духом времени и представлениями о своем месте в современном мире, воспринимает использование того или иного привычного для него языка как *суверенное право личности*.

Более чем 20-летний опыт существования новых независимых государств свидетельствует о том, что массовое сознание их населения чрезвычайно

чувствительно к тому, насколько власти предрержащие считаются с таковым суверенным правом. В тех странах, где оно властями игнорируется, фактор языка и культуры начинает играть сильную дестабилизирующую роль, ставя под угрозу саму их территориальную целостность и даже приводя к сецессии тех или иных частей территорий этих государств. Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Гагаузия – убедительное тому подтверждение.

А самые свежие и масштабные примеры тех роковых последствий, которые повлекла за собой недалёковидная политизация роли языка в новых постсоветских государствах, только что дала Украина. Через день после произошедшего там 22 февраля 2014 г. государственного переворота, Верховная Рада (основательно «прополотая» к тому времени Майданом) прекратила действие принятого ею в 2012 г. закона о региональных языках.

Это сразу же вызвало настолько массовый протест в стране и за ее пределами (и даже в ЕС), что назначенный Радой И.О. Президента Украины А. Турчинов вынужден был спешно заявить, что не подпишет данное постановление парламента. Однако примирительные заявления новых властей, дабы хоть как-то успокоить немного русскоязычное население, своей цели определенно не достигли. Последнее, памятуя о неизменном курсе украинского национализма на ограничение и вытеснение из страны русского языка и культуры, этой власти просто не верит.

Нынешний острейший политический и экономический кризис на Украине еще весьма и весьма далек от разрешения. И, как представляется, он в ближайшем будущем сумеет нанести непоправимый ущерб украинской государственности. Увы, на примере этой страны нам в очередной раз придется убедиться, что национал-радикализм у власти – отнюдь не «государствосберегающая» сила...

О.Д. Абрамова. [Проблема интеллектуальной собственности в странах Евразийского экономического союза]. Хотелось бы остановиться еще на одной проблеме развития евразийской интеграции – конкурентоспособности национальных экономик стран Таможенного Союза и ЕЭП, их инновационному развитию, основанному на использовании результатов интеллектуальной собственности. В настоящее время развитые страны получают 83,3% доходов от совокупного объема внешней торговли результатами интеллектуальной собственности (в том числе США – 51%).

Суммарная доля трех стран Таможенного Союза в доходах от роялти и в лицензионных платежах в мировом объеме составляет ничтожно малую величину – всего 0,4%, а доля России – 0,3%. Совокупная доля государств-членов ТС и ЕЭП в мировом высокотехнологичном экспорте составляет всего

0,47%. Доходы от продажи результатов интеллектуальной собственности на душу населения в России в 28 раз меньше, чем в США.

Пути выхода из сложившихся критических ситуаций видятся в разработке долгосрочных научно-технологической, инновационной и интеллектуальной политик стран Евразийского Экономического Союза, призванных обеспечить укрепление собственной научно-изобретательской базы, поддержку отечественных научных открытий, изобретений и других объектов интеллектуальной собственности для повышения конкурентоспособности отечественной продукции и повышения доли стран интеграционного объединения на мировом рынке технологий и высокотехнологичной продукции.

В качестве первоочередных мер представляется необходимым:

- завершить процесс формирования и гармонизации договорно-правовой Евразийского Экономического Союза в сфере охраны, защиты и использования интеллектуальной собственности, обеспечивающей оптимальный баланс между национальными и интеграционными интересами в контексте требований Всемирной организации интеллектуальной собственности и ВТО (ТРИПС – Соглашения о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности);

- определить стратегические приоритеты, выработать общие позиции по сферам интеграционной деятельности в области промышленной собственности, авторских и смежных прав, регистрации научных открытий, коммерциализации и использования результатов интеллектуальной деятельности;

- сформировать наднациональный институт регулирования интеллектуальной собственности и определить формы его взаимодействия с национальными институтами;

- выработать эффективные механизмы охраны, защиты и использования интеллектуальной собственности государств-членов Евразийского Экономического Союза;

- обеспечить необходимую кадровую и информационную среду для эффективного функционирования объектов интеллектуальной собственности;

- выработать общую долгосрочную стратегию развития и использования интеллектуальной собственности, обеспечивающую повышение технологического уровня, эффективности и конкурентоспособности;

Сложившийся уровень национальной конкурентоспособности государств – членов Евразийского Экономического Союза может быть существенно повышен за счет принятия Концепции и Стратегии в сфере охраны, защиты и использования прав интеллектуальной собственности. Данный тезис становится все более актуальным в контексте усиления политического и экономического давления против России и стран интеграционного объединения.

Без разработки и рационального функционирования стратегии в области интеллектуальной собственности невозможно полное и эффективное использование интеллектуального потенциала – важнейшего ресурса развития государств-членов Евразийского Экономического Союза.

Д.И. Люкшин. [Современное Евразийство не может быть идеей – это способ организации российского быта]. Пошел уже третий десяток лет с момента распада Советского Союза, а вопрос о перспективах его восстановления в той или иной форме по-прежнему остается в повестке дня на политических и интеллектуальных площадках, формируя дискурс постсоветского, используемый для описания современных процессов, разворачивающихся в Восточной Европе и Азии. Хотя текущая геополитическая группировка исключает возможность реинкарнации СССР, его призрак мобилизуется глобальными и национальными элитами, выступая основой как социального шантажа, так и политической утопии. При этом, перебрав версии единого экономического комплекса, славянского братства и т.п. эксперты постсоветского пространства усматривают обоснование перспектив новой интеграции в идее евроазиатского культурного единства, воплощением которого объявляется Российская империя и – через посредство СССР – РФ.

Как человек, имевший некоторое отношение к продвижению дискурса неоевразийства в постсоветское интеллектуальное пространство, могу сказать, что современное Евразийство не идея – это эрзац-слоган, призванный замаскировать отсутствие фундаментальной идеи государственного строительства в России или, точнее сказать – обозначить ее необходимость. Его появлению в 2001 г. мы обязаны отчаянному стремлению постъельцинской элиты генерировать позитивную идею, способную сыграть роль интегратора для расползающейся после 1996 г. социальной фактуры новейшей России.

Энергичное истощение мобилизационного потенциала антисоветского и антикоммунистического дискурсов – возгонка которых сделала возможной мирный исход путча 1991 г. – после принятия Конституции 1993 г. сдерживалось разве что легендарной харизмой Бориса Николаевича, которой тогда тоже – прямо скажем – на всех уже не хватало. Дефицит национальных святынь и позитивных гешталтов, опосредованный выгоранием символического пространства в ходе избирательной кампании 1996 г., грозил если не началом гражданской войны (ее более или менее успешно сублимировала Чеченская кампания), то энтропией социума, способность которого к регенерации социальной ткани, испытывавшей постоянные перегрузки, вызывала обоснованные сомнения.

Образованный класс, в памяти которого еще свежи были кошмарные видения допримаковских зарплат (существенное увеличение зарплат работников бюджетной сферы, проведенное после дефолта Е.М. Примаковым, позволило избежать консолидации оппозиции и формированию единого антиправительственного блока), рефлекторно перебирал попадавшиеся под руку концепты, тестируя их способность консервировать и регенерировать коммуникативную структуру социума.

Историческое схождение начала пропагандистской компании индоктринации харизмы наследника Ельцина и увлечения гумилевским дискурсом странным образом обернулось генезисом своего рода неогумилевской интеллектуальной эстетики, в рамках которой российская державность постсоветского извода утверждалась посредством наложения азиатской и европейской традиций. Очень быстро этот заход приобрел характер эпидемии, а его популяризаторы – сделались законодателями салонной моды на сюжеты прошлого.

Однако, позволяя «снять» некоторые неудобные вопросы, новейшая гипотеза евразийского симбиоза не может выступить в роли источника интегративного процесса, поскольку изначально не была соответствующим образом идеологически заряжена. На практике это означает, что даже самые добросовестные попытки ее инициализации непродуктивны, а популярные ныне «Дорожные карты» нефункциональны, поскольку даже если удастся как-то привязать к дискурсу модернизации исходные параметры постсоветского – конечная точка неизбежно окажется за линией горизонта, вне зоны верификации.

Поэтому, не претендуя на компетентную оценку результатов интеграции, рискну, во-первых, констатировать дефицит идей у представителей постновейшего эффективного социального менеджмента – тех самых идей, которые Ницше называл храбрыми маленькими женщинами, что не отдаются мужчинам с лягушачьей кровью в жилах; а во-вторых, отметить, что являясь, по сути, способом организации структур повседневности современного российского социума, бытовое евразийство не может быть инновационной идеей, мобилизующей интегративный потенциал общества. Что же касается оригинальных концептов эпохи еще молодого модерна, то лучше бы им там и оставаться – вместе с патефонными иголками, Шимми и Ундервудами.

Ей-ей, лучше...

Е.Г. Бразуль-Брушковский. [Постсоветское пространство и украинская независимость]. Честно скажу: то, что я буду говорить, базируется на субъективном опыте, а не на какой-то специальной базе...

Одна из фраз прозвучала по поводу искусственного создания украинской государственности. Хочется вспомнить, почему эта государственность не состоялась несколькими годами ранее...

То, что я сейчас скажу, – это то, как ситуация выглядит с точки зрения Украины, поскольку я большую часть своей жизни прожил в специфическом городе, который называется Львов.

Понятно, что украинская независимость – в XX в. во всяком случае – всегда была следствием скорее внешних событий, нежели внутренних процессов в самой Украине. Как только начинались проблемы в тех империях, в состав которых входили украинские земли, то, естественно, начинался период междувластия или безвластия в Украине, и начинались некие потуги на автономную, независимую деятельность.

Совершенно правильно тут уже говорили, что сейчас об экономической, а тем более политической, интеграции бывших стран СНГ говорить не приходится. Для Украины тем более этот вопрос на некоторое время еще будет закрыт, потому что нужно переболеть независимостью, нужно убедиться в том, что эта независимость состоялась.

В Украине же эта независимость пока еще не очень состоялась. Тут я могу отчасти согласиться с С.Ю. Разиным, что это не столько следствие того, что происходит сейчас на Украине, сколько результат постсоветской эпохи, попытка преодоления того, что происходило в постсоветскую эпоху. Потому что, действительно, те заигрывания с национальной или националистической идеей, к которым всегда прибегали украинские лидеры накануне выборов, показывают очень четкую закономерность: каждый новый кандидат в президенты приходит с такими лозунгами, которые ориентированы в сторону России. Даже президент Ющенко, когда был еще кандидатом в президенты, публиковал в газетах проекты своих будущих указов. В частности, одним из этих проектов был проект того закона, который приняли при Януковиче – о, по крайней мере, региональном функционировании русского языка. Как только они приходят к власти, как только они становятся президентами, то вопрос о русском языке немедленно снимается.

«Чтобы у нас не дошло Майдана...» – прозвучала фраза. Ну, это очень напоминает позицию М.А. Булгакова, описанную в «Белой гвардии», поскольку он переживал все то, что происходило в Киеве. Он так прямо и говорит (буквальная цитата): «Надо было сказать немцам – нате, жрите! Вот вам мясо, вот вам масло – только защитите наших мужичков от московской болезни». Вот примерно то же самое происходит сейчас... Это же самое сознание превалирует в российском обществе. Все что угодно – только не Майдан. В общем-то, совершенно понятно почему.

Конечно, для Украины большой политической ошибкой был отказ от ядерного оружия. Это была очень большая глупость. Точно так же, как большой глупостью была сдача, согласие на объединение Германии.

А.И. Суздальцев. Как они могли оставить ядерное оружие? Это все-таки целая отрасль экономики.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Правильно! Конечно же! Как могли оставить? Украина тогда с восторгом говорила о том, что она является мирным государством. «У нас теперь только мирный атом». Это было после 1986 г. особенно забавно.

Короче говоря, пока что все, что происходит по поводу политической сферы – а мы тут в основном стараемся политическими вещами заниматься – нужно рассматривать как большой проигрыш Украины. Насколько удастся ситуацию изменить сейчас, я пока тоже не знаю. Потому что то, что сейчас происходит – это полная бесконтрольность. Фактически, никакой оппозиции нет. Если раньше нам все время по телевидению говорили, что есть лидеры оппозиции, которые все контролируют, то сегодня мы прекрасно понимаем, что они ничего не контролируют. И когда лидерам оппозиции, извините, в морды бросают всякие предметы, то совершенно понятно, что, в общем, их никто всерьез не воспринимает.

С.М. Иванов. Они властью стали. Сейчас же оппозиция другая.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Так можно ли все это назвать властью? Ведь посмотрите, вроде бы находится Президент Янукович у власти – и в то же время его совершенно некому защитить. То есть его сдают все.

С.М. Иванов. Двоевластие.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Фактически он ничем не управляет.

С.Ю. Разин. Казацкая вольница.

С.М. Иванов. Правильно. Майдан правит.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Ну и наконец, хочу сказать, что в Украине псевдонационалистическая идея, которая насаждалась, или точнее, исповедовалась бывшими партийными бонзами и ставленниками крупного бизнеса, изжила себя. Получится ли сейчас создать реальную идею? Пока непонятно, на каком основании. Непонятно, потому что раздел, о котором говорят – раздел между Востоком и Западом – насколько бы он формальным ни был, но он, конечно, имеет место быть. Просто потому, что разные территории входили в состав разных империй, и сформировался абсолютно разный менталитет. И, поэтому, когда человеку из Донецка, условно говоря, и даже из Харькова, говорят о перспективе Европы, то он боится – хотя бы потому, что в Европе нужно говорить на иностранном языке. Западная Украина этого не боится, потому что половина Западной Украины находится за границей на

заработках в Греции, Испании, Португалии, Италии и прочих высокоразвитых странах.

Парадокс, по-моему, сейчас заключается в том, что выросло то поколение людей, которое не знает Советского Союза и поэтому искренне считает, что в Европе намного лучше. Потому что там другие зарплаты, потому что там есть тот элемент демократизма, к которому, все-таки, украинское общество, в целом, склонно. Пускай этот демократизм иногда выливается в псевдодемократию и такую площадную демократию, но тем не менее.

С моей точки зрения, руководить точно так же Украиной, как это получалось раньше, в дальнейшем уже не получится. Приятно то, что господин Яценюк, являющийся теперь новым премьер-министром Украины, осознает, что новое правительство – это правительство политических камикадзе. Собственно говоря, они там уже давно все являются политическими камикадзе, в том числе и Ю. Тимошенко, которая давно уже никакой харизмой не обладает.

Знаете, украинская модель правления – это модель правления В.В. Щербицкого, когда ничего не происходит в принципе. В этом на протяжении многих лет видели силу украинской политики. В частности, ходил такой анекдот по поводу того же самого Л.М. Кравчука, которого спрашивали: «Вот дождь идет. А вы не боитесь? У вас зонта нет», а он говорит: «А я так – между капельками, между капельками».

Понятно, что сегодня такая позиция – разворачиваться в ту или другую сторону: кто нам больше денег даст, с теми мы сейчас и будем, а потом деньги кончатся, и мы пойдем в другую сторону – невозможна. Теперь я действительно обеспокоен, потому что возник вопрос по поводу Крыма, хотя в Крыму, мы все прекрасно знаем, татары не представляют никакой монолитности – они там тоже очень разные...

А.А. Исрапов. Ну, их можно организовать. Как это обычно и делают. «Арабская весна» тому пример.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. По поводу ислама то же самое было. Идея была такая, когда американцы полезли в Ирак, все подумали, что сейчас начнется Третья мировая война, что сейчас весь исламский мир поднимется на защиту Ирака. А исламский мир встал в сторонке и сказал: «А мы сейчас подождем. Кто победит – с теми дружить будем». То есть очень прагматичный подход на самом деле. Так вот я надеюсь, что из этого всего выльется нечто, будем надеяться, без гражданской войны, конечно же, и без разделения страны, потому что это на самом деле будет плохо для всех. Создать такую буферную территорию, из-за которой снова будут возникать какие-то неприятности...

Раньше у российских и других политиков хватало смелости говорить о том, что независимая Украина – это интересно всем. Сейчас снова за пределами Украины находятся те политические силы, которые руководят процессом. Вот когда будет самостоятельная украинская политика, когда возникнут, сформируются и созреют силы... Боюсь, что и Майдан пока что ничем поможет.

А.И. Суздальцев. Неужели на Украине всерьез рассматривался вариант оставления ядерного оружия на территории Украины?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Да.

А.И. Суздальцев. Без техники, без технологий, без сырья, без полигонов, без своего производства?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Вы совершенно правы. Поэтому самые разумные, рационально мыслящие люди сказали: «Давайте лучше отдадим».

А.И. Суздальцев. Это было невозможно.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Потому что Украина неспособна экономически содержать ядерное оружие.

А.И. Суздальцев. Я был участником этого процесса...

А.А. Исрапов. «ТУ-160» – эти стратегические самолеты – Украина потребовала оставить у себя. Мы оставили часть самолетов. И что дальше? Стояли эти самолеты, стояли десятки лет, и они не знали, что с ними делать.

А.И. Суздальцев. Если по-вашему, то у Украины были какие-то амбиции великодержавные. Что, украинское руководство всерьез обсуждало вопрос оставления ядерного оружия?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Нет. Украинское руководство не имеет тенденции обсуждать. В принципе, в этом смысле украинское руководство немного похоже на российское руководство – как решили, так и будет. Но речь шла о...

А.И. Суздальцев. Неужели и сейчас Украина мечтает о ядерном оружии?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Сейчас нет. А откуда его взять?

А.И. Суздальцев. Вы понимаете, что там 4 энергоблока, и они могут взорвать их сейчас?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Ни ЕС, ни НАТО, ни США в отдельности не такие самоубийцы, которые готовы были бы поставить ядерное оружие. Разместить свои ракеты – это другое дело. Это было бы, наверное, интересно. Но это уже отдельный разговор и пока не сегодняшнего дня тоже.

А.И. Суздальцев. Не знаю. Как я уже сказал, я только что приехал с круглого стола в РИА «Новости», в котором принимали участие киевские эксперты. У них подход чисто иждивенческий. Мы обязаны признать и т.д. и т.п.

А.А. Исрапов. Они и на телевизионных передачах точно так же себя ведут.

А.И. Суздальцев. Но я им сказал – давайте так: вы только что избрали правительство – процедура избрания была ошибкой. Правительство не легитимно. Причем чисто украинский подход: США и Евросоюз признали – и вы должны признать. Для нас США и ЕС – это не показатель. Я понимаю, что для них, если США признали, то это все.

Вот у них такой нюанс возникает сразу... Хорошо, та же технология в Симферополе. Та же технология. Те же меры – захват и т.д. т.п. Это ваша ошибка. Крымское правительство не легитимно. В итоге мы им сказали очень просто: «Ваше отношение к референдуму в Крыму равносильно нашему признанию вашей власти».

Ю.П. Литвин (*студент ИГУМОуИТ*). У меня возникло несколько вопросов. Вообще сам вопрос о том, что мы – Россия и постсоветские страны – 20 лет (даже уже больше) боролись как могли за выживание... Не поторопились ли мы вообще с этими попытками интеграции? Не является ли они популизмом?

С.М. Иванов. Ну, в свое время В.В. Путин сказал, что проект СНГ скорее мертв, чем жив. Действительно, он был пропагандистский на первых порах. Ну а уже где-то в последнее время приобрел реальный характер, потому что дальше уже разваливаться нельзя, и сама экономика обязала лидеров сохранить общее пространство. То есть будем говорить так, что сначала шли процессы: получите суверенитета столько, сколько можно (это было и в РФ, и в СНГ), а в последние годы и элиты, и предприниматели, и олигархи все-таки нашли взаимовыгодные проекты – и эти проекты связали это пространство. Так еще по Марксу было: экономика – основа всех отношений. Если появился экономический интерес, он создает базу для всего последующего сотрудничества. Поэтому сейчас вот объективно процессы... Я скажу – что больше дезинтеграция и интеграция. Да, какие-то уходят, но какие-то приходят.

С.Ю. Разин. Это кто, например?

С.М. Иванов. Я имею в виду Казахстан, Беларусь, Армению, Киргизию. Думаю, что они не последние. Но вот в военно-технической области есть определенный интерес у Узбекистана и Таджикистана. Это не значит, что во всех областях, но в каких-то они проявляют интерес и к России, и к российским предприятиям. Интеграционные процессы идут, иногда минуя элиту, минуя олигархов.

Вот, кстати, я Ираном занимался. Тоже говорю: «У Ирана санкции. Почему бы нам не воспользоваться и не реализовать с ним какие-то взаимовыгодные проекты?». Мне отвечают: «Нашим олигархам Иран не

интересен. Кремлю Иран не интересен». Вот примерно так же по отношению к нашим государствам СНГ. Но жизнь заставляет – интеграция, сотрудничество. Никуда мы не денемся. Мы обречены жить вместе, жить рядом и взаимодействовать. Если не будут верхи, то люди будут все равно взаимодействовать. Будет приграничная торговля, будет взаимопроникновение культур и экономик. Будут ездить. Мы никуда не денемся от этого. А тем более многие русские остались там. Это тоже наша пятая колонна, которую мы не используем. Но они там играют свою роль и объективно, рано или поздно, все равно мы будем на едином экономическом пространстве.

Ю.П. Литвин (*студент ИГУМОиИТ*). Мы все время выжидали и играли на разочарованиях народов в их правительствах: так сыграли с Ющенко – и пришел к власти Янукович, подобное произошло в Грузии – и наши отношения улучшились. Не является ли подобная позиция, на самом деле, положительной для России?

А.А. Исрапов. После каждого руководителя мы улучшали отношения?

С.Ю. Разин. Нет. Вопрос: вот выжидательная позиция, которую всегда Россия занимает – это хорошо для России или плохо?

А.А. Исрапов. Где нужно, мы опаздываем. Люди же говорят: «Ну почему Путин молчит? Почему мы там не проявляем волю?». Мы это можем понимать, когда бывают результаты. Руководство выдержало этот навал Запада в том плане, что стали проявлять твердость во внешней политике. Отстаивать национальные интересы государства.

А что касается Украины, то думаю, что мы должны были проявить настойчивость раньше – когда Янукович сказал, что да, второй русский язык... а потом как-то это все еле-еле приняли... Вот тогда надо было дипломатично, по деловому, принимать какие-то меры в работе, во взаимоотношениях с Януковичем. А сегодня, конечно, лезть на бочку нам сейчас – если не будет именно таких вызовов из Киева, от Запада – не стоит. Надо сейчас посмотреть, как помогать Крыму. И на самом деле, с кем там разговаривать? Ну, сказал Президент, что нужно дать финансовую помощь и гуманитарную Крыму. Это нужно обязательно сделать. Вот, сегодня в 17.00 Янукович будет выступать в Ростове. Вот что он там будет говорить? Будем ли мы иметь в виду, что он же легитимный президент? Американцы так бы и делали! Будь он хоть за Полярным кругом, но он легитимно избранный Президент и поэтому здесь вы кувырчайтесь как хотите – вы не настоящие, и поэтому любой имеет право вас вытурить. Я еще раз подчеркиваю – мы слишком толерантны! Этим и пользуются наши противники.

И.А. Анфертьев. Вы знаете, вот опять, изучая документы Политбюро и т.д. по Украине... Большевики могли в 1918 г. установить Советскую власть на

Украине. Но до конца 1919 – начала 1920 гг. они не стремились вмешиваться в те внутренние разборки, которые там имели место. Посмотрите, менялись лидеры – Скоропадский, Петлюра, Махно, Деникин, последний даже начал возрождать помещичье землевладение и т.д. Вот когда это все перебурлило и, в конце концов, масса народная, так сказать, говорит: «Давайте ж, наконец, жить спокойно». Пришли большевики. Они это спокойствие обеспечили. Первое что они сделали – они дали указание, когда образовался Всеукраинский ревком, изъять все оружие. Освободили народ от бандитов. Спокойствие восстановилось, но что дальше произошло? Государственность Украины утратилась. Хотя формально Украина считалась государством в рамках Советского Союза. Но нынешняя Украина отрицает или не замечает существование этой прежней государственности.

С.В. Патрушев. Для меня, как исследователя современной российской политики, ключевой вопрос обсуждения – определение цели, которую хотят, могут и преследуют российские политики, принимающие решения. С.Ю. Разин полагает, что это - возрождение единого централизованного государства, а точнее - возрождение империи. Однако, здесь есть две проблемы политико-исторического свойства. Во-первых, пределом развития любой империи является весь мир, империя на такое развитие, по определению, ориентирована. В этом отношении сегодня у России есть, по крайней мере, один очевидный конкурент. Во-вторых, условиями движения по этому пути являются, как полагают компетентные в вопросе специалисты, идеологическая легитимность и политическая поддержка в зонах потенциального расширения. Сущность империи, пишет, например, Майкл Манн, в наличии ядра и периферии, когда ядро подчиняет и держит в страхе периферию – военными или экономическими средствами. Мне кажется очевидным, что «постсоветское пространство» можно будет считать потенциально и тем более актуально имперским для России только в том случае, если такого рода подчинение имеет место. Как уже отмечали коллеги, достаточно посмотреть на наши отношения, скажем, с Белоруссией, чтобы более-менее адекватно оценить ситуацию. Так обстоит дело с «периферией».

А что с «ядром»? С.Ю. Разин полагает, что после распада Союза остались несостоявшиеся государства, за исключением России. Я согласен с общей оценкой: в большинстве случаев реального институционального строительства не происходило, видимо, власть имущим было проще (из-за лени или недосуга) использовать доставшиеся в наследство, так сказать, по инерции аппараты и механизмы государственного управления. Это особенно очевидно в случае Украины. Что касается нас, то Россия, после развала советских структур в 1993 г., получив новую конституцию, вроде бы приступила к формированию новых

институтов власти и государства. Остается вопросом, насколько мы преуспели в этом деле: можно ли утверждать, что мы имеем сегодня систему работающих институтов? Как учил Карл Шмитт, государство есть нормы или процедуры и больше ничего... Если в нашем случае это, видимо, не так, то для исполнения роли ядра новой государственности и распространения имперского правопорядка на периферию было бы неплохо для начала изменить режим ручного управления на режим автопилота. Но это задача не только властителей.

Б.Х. Алимов. [Все, кто хотел «развестись» с Россией, уже сделали это, остались только союзники]. Несостоявшиеся государства как нерожденные дети – всегда патология или трагедия. Во всех остальных случаях можно изучать опыт государственного строительства. Вероятно, «напоминать» в данной аудитории было бы неуместным, поэтому я просто привлеку внимание коллег к общеизвестному историческому факту: вся история Империи Цинь, включая строительство Великой китайской стены, Великого канала, почтовых трактов, реформу письменности и администрации, унификацию системы мер и весов... – все это заняло 15 лет. И вот уже более 2 тыс. лет историки и политологи, экономисты и юристы, да все вообще представители гуманитарного цеха изучают опыт Цинь Шихуанди – по гамбургскому счету, опыт неудачный, но, безусловно внушающий уважение, как замыслом, так и масштабами. Тысячелетний Рейх продержался 12 лет (а если считать с 1936 г., когда, собственно, и началось строительство корпоративного государства, то и 10 лет не наберется). Если не ходить далеко за примерами, то 20-летие СССР пришлось как раз на 1942 г. – и ни у кого не возникало вопросов относительно зрелости политического режима и эффективности государственного устройства.

Если говорить конкретно о событиях в Таджикистане после 9 сентября 1991 г. (принятие на сессии Шурои Оли Заявления и Постановления «О государственной независимости Республики Таджикистан»), то – хотя на его долю не выпало спасение мира от «коричневой чумы» или создание крупнейшей в мире системы организации принудительного труда, каким был ГУЛАГ – драматических коллизий в новейшей истории Таджикистана тоже было немало: 5-летняя гражданская война, в годы которой народы республики, при поддержке России, оказали упорное сопротивление религиозному экстремизму, оказалась тем горном, в огне которого была выкована государственная идентичность Таджикистана, являющегося ныне полноправным членом не только ООН, но и ВТО (с декабря 2012 г.).

Поэтому, как мне кажется, уже можно без иронии говорить о государствах так называемого Ближнего зарубежья, а термин «Ближнее» трактовать не в хронологическом, а скорее в политическом смысле – как государства, чьи геополитические интересы позитивно коррелируют с

интересами России. За это время все, кто хотел «развестись» с Россией, успели это сделать, сейчас среди стран, различными способами интегрированных с РФ, остались как раз те, что заинтересованы в развитии сотрудничества.

Хотел бы обратить внимание коллег также на то, что развитие сотрудничества вовсе не обязательно должно означать глубокую интеграцию или политическое слияние. Эти интеракции разворачиваются на разных полях, поэтому уповать на то, что устранение таможенных тарифов между участниками Таможенного соглашения станет шагом на пути воссоздания СССР, по меньшей мере, наивно. Как и обижаться на «неблагодарность» участников Союза или членов СНГ. Ведь в национальной политике иногда происходит смена приоритетов. Но если еще 20 – 30 лет назад любая «неприсоединившаяся» страна вынуждена была выбирать между СССР и США, фактически разделившими мир между собой, то теперь покупка, например, российских грузовиков вовсе не предполагает декларацию политической лояльности и верности – это просто «бизнес», и нет ни одной причины полагать, что партнеры РФ пожертвуют своими интересами ради российских приоритетов.

Проблема для России на самом деле в том, чтобы перестать видеть в этом унижение или предательство. Это нормально: Вы предлагаете товар на конкурентном рынке, и если покупатель предпочел не ваш, то можно делать все, что угодно, кроме обвинений в его адрес – это верное средство потерять клиента навсегда. То же самое можно сказать и о политических союзах, участие в которых определяется «злостью дня», а не стремлением «насолить» бывшей метрополии.

На мой взгляд, настало время подумать о формате новой российской политике в Ближнем зарубежье. Поскольку потенциал «постсоветского» близок к исчерпанию, а размеры России и ее экономическая и политическая мощь объективно создают сильное гравитационное поле для ее соседей, она, эта политика, вполне может быть более внятно сцентрирована на интересах России: союзников это уже не отпугнет, а конкуренты и без того прекрасно понимают, о чем идет речь. Большая открытость, в конечном итоге, позволяет обеспечить большую безопасность – и таким образом оптимизировать издержки.

В любом случае, говорить о странах, чья государственность взростала на гноище разлагающейся советской империи, как о некоей исторической несообразности или эксперименте, уже поздно. 20-летний опыт суверенитета – это, объективно, билет в историю. Билет, оплаченный активным жизненным циклом целого поколения. Еще 5–10 лет – и носители советской исторической памяти окажутся такими же социальными реликвиями, как сейчас ветераны Великой Отечественной войны, например. Нет, этих, конечно, будет намного

больше, но их место уже заступают люди, не имеющие советского опыта. К тому же, в Средней Азии, к примеру, советский жизненный, а тем более социально политический стандарт имел скорее декларативно-декоративный характер. Поэтому задним числом примерять на труп советской империи кафтан идеологической монолитности и социальной унификации – дело явно неблагодарное.

А.В. Чертищев. [Россия: день сегодняшний]. Дать беспристрастную трезвую оценку состоянию и перспективам постсоветской России – занятие исключительно трудное и почти бесперспективное. Кто же мы? Одеваемся, едим, думаем как европейцы, ну или почти как европейцы, а Европу ругаем. Хотим жить, как европейцы, а европейские общественные устои не принимаем, отвергаем, все время на кого-то обижаемся, жалуемся, кого-то клеймим, упрямо и упорно настаиваем на своей самобытности, особенности всему миру, отстаивая обычаи и ценности, которые на том же Западе давно ушли в прошлое... Давно считая себя частью локализованного мира, мы не хотим быть понятными, а хотим быть понятыми, считая, что они хотят совершенно иного. Может быть, существует какая-то «тайна» русского бытия и сознания, которую нашим коллективным разумом необходимо разгадать как свою судьбу? Однако еще Людвиг Берне, размышляя о судьбе народов, указывал что судьба – это суфлер, считающий пьесу ровным голосом без страсти и без выражения. Свистки, крики, аплодисменты и все прочее производят люди.

Самые важные, на наш взгляд, вопросы, на которые мы должны попытаться ответить, но особого рвения не испытываем, это: «Какую Россию мы имеем?» и «Куда Россия собирается двигаться?» Создается впечатление, что наша страна вновь что-то новое и важное затевает, что она куда-то «засобиралась». При этом представления об этом «куда-то» у каждого свои и объединяет их исключительно туманность и несбыточность. Хотя еще Люций Анней Сенека предупреждал, что когда человек не знает, к какой пристани он держит путь, для него ни один ветер не будет попутным... Представляется, что выбору пути мешают и многие укоренившиеся при прошлом режиме амбиции, стремление толкать историю в спину. Игры в державность, лозунг «Россия – вперед!» – из этого же ряда. Если это стремление к возрождению империи, власти над миром, гегемонии в нем, то следует вспомнить мудрые слова Дэн Сяопина, который говорил, что если Китай когда-нибудь попытается доминировать в мире, тогда все народы повернутся против нас.

В предельно общем виде самое важное для нас – найти такую форму социального бытия страны, которая была бы адекватна ее природно-климатическим условиям, культурно-историческим традициям и особенностям национального характера. Для этого нет нужды кого-то догонять и перегонять,

изобретать квазисовременные доктрины. Достаточно просто сохранять отзывчивость к всемирным новациям, которая исторически всегда была присуща нам, критично оценить и осмысленно использовать опыт как других цивилизаций и культур, так и свой собственный, вычлняя все лучшее. При этом первостепенной важности становится проблема возможности и умения сосредоточиться на себе, жить своим умом, строить такой уклад и образ жизни, который был бы достоин наших представлений о достойной жизни.

И последнее. Не будем забывать, что российская история приучила нас к выживанию, «жизни к катастрофе». Как метко подметил поэт Игорь Губерман, «С рожденья тягостно раздвоен я, / Мечусь из крайности в конец, / Родная мать моя – гармония, / А диссонанс – родной отец»...

В России много беспокойных душ, которых тревожит будущее страны. Но странное у нас все-таки общество. С одной стороны, вроде бы все патриоты – и за Родину-мать полезут хоть на врага, хоть на кого или на что угодно. С другой – когда хвалишь своих, тут же попадаешь под яростный огонь критики, критики жесткой и даже жестокой и обидной. При этом зачастую речь идет об одних и тех же людях. С третьей – часть наших сограждан стыдливо предпочитает называть себя восточно-европейцами, а не русскими, для других постыдным считается слово «россияне», они только русские, а все остальные «чурки», «азеры», «зверьки», «узкоглазые»... И здесь следует вести речь о духовном единстве страны, именно о единстве, а не о единообразии, одинаковости. Будь сам духовным, чтобы за тобой потянулись. Понятие «духовные скрепы», на наш взгляд, менее всего отражает существо этого процесса, ибо, когда дело касается духовного, вряд ли есть необходимость что-то куда-то вбивать и искусственно скреплять. В противном случае, пресловутая лодка, которую все призывают не раскачивать, начнет весело черпать воду обоими бортами. И будет уже не важно, кто качнул сильнее.

П.П. Марченя. [«Свои» и «чужие»: кризис идентичности власти и шанс его преодоления]. Ну, Сергей Юрьевич [Разин] начинал, а я завершаю. Это уже у нас почти традиция по круглым столам. Я тоже как редактор нашего проекта хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто выступил – даже с теми тезисами, с которыми мы, например, категорически не согласны. Но, тем не менее, все равно спасибо. Хотя, в частности, я никак не могу принять точку зрения, что Финляндия и Туркмения наравне с русскими строили Российскую империю и Советский Союз, что мы не являемся преемниками Российской империи, что советский опыт интеграции только вреден и т.д. Но не будем сейчас об этом.

Мы опасались, что в связи с текущими событиями этот наш круглый стол окажется посвящен исключительно Украине. Однако об Украине сегодня было

сказано сравнительно немного. И в связи с этим позвольте процитировать обращенные к нам слова жителя современной Украины. Когда мы звали сюда, «к столу», наших коллег, братьев с Украины, один из них, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения информационной деятельности Национальной металлургической академии Украины (г. Днепропетровск) А.В. Михайлюк прислал письмо (25 февраля 2014 г.), которое он разрешил нам зачитать на круглом столе:

А.В. Михайлюк. *[Пока только февраль, а будет еще и октябрь]. «Спасибо за предложение участвовать в круглом столе. Но мне это вряд ли удастся. Во-первых, я не большой специалист по современной тематике (историк – провидец, предсказывающий назад, как писал Гегель). Во-вторых, для нас эта тема особенно болезненна. Население, по крайней мере, Юго-Востока Украины, просто в шоке. Ситуация крайне тяжелая, и ее истоки, конечно, не в сегодняшнем дне. Конечно, это связано с политикой России на постсоветском пространстве (или, может быть, вернее сказать, ее отсутствии). Русскоязычное и русскокультурное население в очередной раз ощущает себя брошенным. К тому же, пока только февраль, а все говорит о том, что будет еще и октябрь. Все под масками, информации крайне много, при этом ее крайне не хватает. У меня есть определенные впечатления и рефлексии, но их можно рассматривать лишь как чисто субъективные, их трудно назвать пока научным анализом. И вообще, как бы не пришлось просить политического убежища. С уважением, Александр Михайлюк».*

П.П. Марченя. По-моему, оговорка нашего украинского коллеги о прямой связи сложившейся тяжелой ситуации «с политикой России на постсоветском пространстве (или, может быть, вернее сказать, ее отсутствии)» и ощущении «брошенности» русскоязычного и русскокультурного населения Украины является лучшим ответом на сегодняшний вопрос (студента Ю.П. Литвина – прим. ред.) о том, зачем России вообще политика на постсоветском пространстве, не торопимся ли мы с «попытками интеграции» и не выгоднее ли нам продолжать занимать выжидательную позицию.

Можно долго еще об этом говорить, но сказать лучше будет трудно. Однако я сегодня заглядывал еще на новостные ленты... Цитируется там и «свежий» доклад Государственного департамента США о правах человека и их нарушениях, где опять в очередной раз утверждается, насколько у нас, в России, за предыдущий год ситуация в этом вопросе якобы стала хуже. В том числе говорится и об Украине, где тоже, дескать, ранее «были проблемы»... Но дальше... Дальше Украина приводится нам в пример, в том смысле, что вот как раз украинские парламентарии – они, в отличие от наших, оказывается, «сумели сделать выводы» из нарушений прав человека, они сделали «правильные шаги»,

сместили Президента, проводят «конституционную реформу», приступили к строительству «правильной», наконец, «системы демократических противовесов» и т.д. и т.п. Это, конечно, по мнению аналитиков Госдепа только «первые шаги», но они позволяют Украине «с уверенностью смотреть в будущее».

Вот сравните две цитаты. Крик о помощи русско-украинского профессора Михайлюка и самодовольные поучения американских чиновников. К вопросу о том, что американское присутствие – это миф... Долго комментировать не буду, мне кажется, само по себе сопоставление этих двух цитат очень многое за себя говорит.

Я историк и не хочу лезть в политику. Проект наш, в общем-то, исторический. Мы с С.Ю. Разиным даже думали, а нужен ли второй стол по проблемам постсоветского пространства в сложившейся ситуации, не получится ли, что мы будем говорить не о корнях и исторических причинах, а о злобе дня и политической конъюнктуре. Решили, как уже сегодня было сказано: что выросло, то выросло. Посмотрим, что получится. Кроме того, как сотрудник Министерства внутренних дел России я не имею права публично высказываться о действиях наших органов власти и должностных лиц, о политических партиях, об общественных объединениях... Попробуйте, скажите о сложившейся сегодня на постсоветском пространстве ситуации что-нибудь, чтобы не давать оценок всему вышеперечисленному. То есть мне опять остается только уйти в цитаты. Простите за самоцитирование (и здесь я еще раз адресуюсь, в том числе, и к Ю.П. Литвину, но для нас постсоветская реинтеграция – это восстановление смысла. Это не вопрос о насилии, это не экономический вопрос – это вопрос о восстановлении смысла. У истории есть своя логика. Мы, нравится кому-то это или нет, являемся наследниками Империи – может быть пока, «на сегодня», не самой успешной и удачной, но тем не менее... Сейчас реальное присутствие России в этом вопросе – это вопрос реального выживания наших людей. Всплывают эти вот архаичные вещи: «свой–чужие». И своих необходимо защищать против чужих. Другое дело, что вот сейчас мы не можем войти напрямую в этот процесс, потому что вы понимаете – это война. Может быть даже, это последняя война. Хотя, возможно, так и получится... Но пока это преждевременно...

Я хочу сказать, что мы сильны-то, все-таки, не столько землей, сколько людьми. И нуждаемся не столько в земле, сколько в людях. Хоть и сказал уважаемый Андрей Иванович [Суздальцев], что мы только на четверти территории живем. Но даже эта наша обитаемая четверть территории больше, чем любое другое государство в мире.

Не земля нам нужна, а наши люди – те, кто считает нас своими... Русские... Опять к вопросу о том, использовать это слово или нет... Конечно, да. Для меня такого вопроса не стоит. Человек, который говорит по-русски, думает на русском, живет интересами России – это русский.

Соответственно, для этих людей мы сейчас, собственно говоря, последняя надежда – и тут вот: «а не торопимся ли мы»... Сейчас, может быть, идут последние дни вот этой вот бифуркации, когда еще можно повернуть развитие ситуации к тому или иному варианту, более или менее приемлемому, и хотя бы выбрать меньшее из зол. Для России, мне кажется, настал самый критичный момент за всю постсоветскую историю. Это не Югославия – это Украина. И речь сегодня идет об идентификации самой власти, о выборе вообще: а она-то, власть – своя или чужая? Потому что если сейчас власть не проявит себя к этим своим людям как своя, то, в принципе, она на этом кончится не только на Украине. Извините, что я говорю «на» [Украине]. Для меня проще говорить «на», и неизвестно, через некоторое время как мы опять будем говорить. Потому что и орфография у нас оказалась зависима от политики. Так вот, сейчас решается не только их, наших людей на Украине, будущее, но и наше будущее, будущее России, будущее всего «Русского мира». Впервые за постсоветскую историю Россия сегодня может сделать реальные шаги по прекращению затянувшейся «Русской смуты», по преодолению кризиса идентичности народа и власти. Власти выпал исторический шанс стать «своей» для «своих», вернуться к себе, найти себя... – восстановить, наконец, смысл собственной истории... – и время покажет, сумеет ли власть этим шансом распорядиться.

Опять, когда мы говорили на прошлом столе, что вопрос не о насилии, а о возвращении смысла... Я вынужден сейчас дополнить – и о насилии тоже. Потому что для того чтобы предотвратить насилие, необходимо государственно-минимальное насилие. Сколько раз уже в XX в. мы наступали на эти грабли: не применяли вовремя минимум оправданного насилия – и получали в результате его неоправданный максимум. Николай II... Временное правительство... Горбачев... Янукович... Ведь были у них ресурсы, чтобы «хранить пространство»...

В этом смысле, конечно, наш голос может быть и очень маленький и тихий, но это капля в чаше. И может быть, эта капля имеет не только статистическое значение. И тогда, как я все-таки надеюсь, в этом нашем «столе» есть смысл. Простите, если кого-то я обидел...

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Павел Петрович, мне очень понравилась ваша фраза по поводу обретения смысла. И вот, поскольку здесь собрались рациональные взрослые люди, то я прошу не со мной согласиться, а просто

понять, что точно так же для значительной части Украины обретение смысла состоит в том, чтобы обрести независимость. Как для России возможно обретение смысла – это обрести себя как великую Россию, так и для значительной части Украины вот это тоже вопрос смысла.

П.П. Марченя. Может быть, я неправильно расставил акценты... Тогда хочу немного уточнить лично свое мнение. Я не политик. Я дилетант в политике. Я не хочу говорить о политике. Я говорю сейчас как историк. И я не говорю о том, что мы сейчас должны войти на Украину и сказать: «Вы субъект Федерации. Забудьте о том, что вы там какие-то незалежные. Все. Всем стоять, строиться». Речь идет о том, что там много тех, кто нам является своими. Это наши люди. Мы должны дать им возможность почувствовать себя под защитой России. Это русская культура, это русские люди – даже если они там татары или еще кто-то (не суть важно). Те из них, кто захочет получить такую поддержку, должны иметь возможность приехать в Россию. Сейчас кажется, это экономически неподъемно, это ужасно... У нас сегодня опять много об экономике говорили... Опять перевес идет не в сторону смыслов, а в сторону экономики. Но есть вообще проблема выживания – выживания России как цивилизации, и если мы сейчас русских на Украине кинем на то, чтобы они с бандеровцами разбирались сами, то мы не просто их отдадим, мы вообще сами лишаем себя будущего.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Если сейчас будет принято решение об упрощенном предоставлении гражданства России гражданам Украины, тем, кто там проживает... Мы можем сейчас спровоцировать гражданскую войну в Украине – не военными методами, а просто предоставив возможность на территории Украины консульским организациям организовать выдачу российских паспортов.

П.П. Марченя. Хотя бы так, да. Это, я считаю, нужно было сделать еще вчера.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Сегодня это будет гражданская война. Вчера – да.

С.Ю. Разин. А вы думаете, что она уже не идет?

П.П. Марченя. Вот те, кто сейчас забаррикадировался в своих квартирах и боятся за свои семьи – им что? Ждать, что за них решат во Львове?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Да во Львове давным-давно ничего решают.

П.П. Марченя. Ну так, в конце концов, надо дать им возможность, в таком случае, вернуться в Россию.

С.Ю. Разин. Вот что сейчас делать нашим михайлюкам и другим? Что им сейчас делать?

П.П. Марченя. Да, что ему делать сейчас? Ведь это вот реальный голос. Это мы не сфабриковали...

С.Ю. Разин. Сидеть и ждать, пока его вытащат на Майдан и прикуют цепью.

П.П. Марченя. Это не националист – ни русский, ни украинский – никакой. Это обычный профессор – наш с вами коллега. Это не политическая элита, но ведь тоже элита, и тоже голос народа. Сейчас его судьба решается. А мы будем ждать, пока ему не сломают дверь, не изнасилуют его жену и не перебьют его детей?

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Я думаю, что это, конечно, немножко преувеличение.

П.П. Марченя. Да какое уж там преувеличение!

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Павел Петрович, другое дело, что вот тем, кто приедут... Но на территории Украины выдавать паспорта – это другое дело. Понимаете, вот здесь маленький нюанс. Приехал в Россию – и тогда – да, пожалуйста. На основании политического беженства, еще чего-то. Но на территории Украины...

П.П. Марченя. Я об этом и говорил. Да.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Но на территории Украины, или как сейчас говорят, там где-то на территории Крыма тоже якобы выдают русские паспорта.

С.М. Иванов. Как в Абхазии.

П.П. Марченя. Я именно об этом говорил. Чтобы они имели возможность выбора.

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Это другое дело. Я думаю тут, как раз, вот западная часть поддержит.

А.А. Исрапов. Я хочу сказать, что украинская элита – они ж тоже с двойными паспортами...

Е.Г. Бразуль-Брушковский. Да, только они зарубежные.

А.А. Исрапов. Они получают в посольстве США и ничего. И никто ничего не говорит...

И.А. Анфертьев. Дорогие друзья! Сегодня вы были в гостях у Российского общества историков-архивистов, которое существует с 1990 г. Оно еще при Советской власти было создано. Печатный орган нашего общества – журнал «Вестник архивиста» – существует с 1991 г. Это ВАКовский журнал. Три сетевых электронных журнала – они указаны на обложке журнала. Я являюсь участником проекта, в рамках которого мы сегодня собрались, с самого начала, с первого дня его существования. Член редакционной коллегии сборников проекта и т.д.

П.П. Марченя. Всех четырех сборников.

И.А. Анфертьев. Да, 2010³, 2011⁴, 2012⁵ и 2014⁶ гг. У нашего проекта большое будущее, как показали и сегодняшние напряженные и острые дискуссии. На разных площадках в прежнее время мы заседали. Впервые сегодня собрались на базе Российского общества историков-архивистов. Я думаю, что наше сотрудничество продолжится.

Библиография

¹ Международный круглый стол «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» // Новый исторический вестник. – 2013. – № 3 (37). – С. 98–147. (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/Postsov1.pdf>).

² *Marchenya P., Razin S.* International Round Table “Russia and the Post-Soviet Space: Problems and Prospects” (Moscow, 2013) // Новый исторический вестник. – 2014. – № 1 (39). – С. 104–118 (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/post-sov.pdf>).

³ Народ и власть в российской смуте. – М., 2010. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 1) (URL: <http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf>).

⁴ Крестьянство и власть в истории России XX века. – М., 2011. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 2) (URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

⁵ Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. – М., 2012. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 3) (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.3.pdf>).

⁶ Сталинизм и крестьянство. – М., 2014. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 4) (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/sb.4.pdf>).